ПѢСНИ
О
РУССКОЙ СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ

1914—1916,

СОБРАННЫЯ

ЕВГЕНІЕМЪ ВИЛЬЧИНСКИМЪ.

(Приложеніе къ № 1. «Вѣстникъ Краснаго Креста» за 1917 годъ).

Съ портретами Августѣйшихъ Сестеръ Милосердія.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели,
На которыхъ страданье забыто въ лелѣющемъ снѣ.
Подходите къ страданью, какъ къ нѣкой священной купели,
Въ одѣяніи своихъ бѣлизнѣ.
Какъ лампаду, любовью зажженное сердце несите,
Чтобъ оно озаряло мученія скорбные дни,
Какъ угодниковъ Божьихъ, страдальцевъ просите,
Чтобъ приняли ваше служенье они.

Вѣра Рудичъ.

ПѢСНИ
О
РУССКОЙ СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ
1914—1916,

СОБРАННЫЯ

ЕВГЕНІЕМЪ ВИЛЬЧИНСКИМЪ.

(Приложеніе къ № 1. «Вѣстникъ Краснаго Креста» за 1917 годъ).

Съ портретами Августѣйшихъ Сестеръ Милосердія.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели,
На которыхъ страданье забыто въ лелѣющемъ снѣ.
Подходите къ страданью, какъ къ нѣкой священной купели,
Въ одѣяній своихъ бѣлизнѣ.
Какъ лампаду, любовью зажженное сердце несите,
Чтобъ оно озаряло мученія скорбные дни,
Какъ угодниковъ Божьихъ, страдальцевъ просите,
Чтобъ приняли ваше служенье они.

Вѣра Рудичъ.

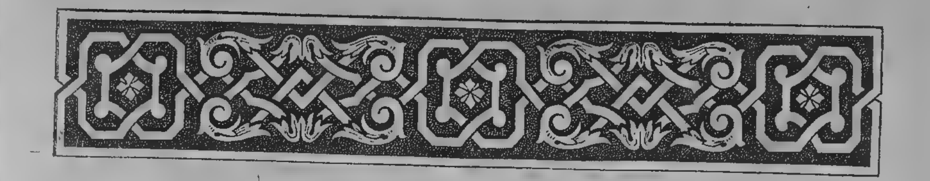

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА

АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА.

Съ фотогр. худ. Волкова.

Съ чувствомъ безпредѣльной любви и преданности почтительнѣйше посвящаю Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ.

Я былъ безъ памяти... Въ бреду...
Должно быть бой и въ лазаретѣ
Все снился мнѣ... Я былъ въ аду...
И жить остался я на свѣтѣ...
То рѣдкій рокъ! Очнулся я
Въ поту, отъ мукъ изнемогая...
Смотрю, дыханье затая,
Ко мнѣ склонился ангелъ рая;
Его лучистые глаза
Мнѣ прямо въ душу проникали,
Въ нихъ показалась вдругъ слеза,
И, задрожавъ, на грудь упала.
Тотъ Ангелъ... женщина была,
Жена Царя... Средь мукъ и боли,
Она свой трудъ, какъ всѣ, несла,
Вся подчинившись общей волѣ.
Она склонилась надо мной
Для перевязки страшной раны;
Глаза свѣтилися мольбой...
Забыты боя ураганы,
Гляжу въ лучистые глаза,
Пропала боль... Дышать не смѣю...
Вѣдь, это сказокъ чудеса,
Ихъ передать я не съумѣю!

Анастасія Простова.

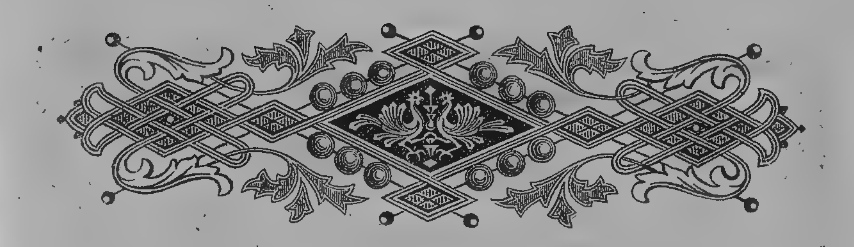
Почтительнѣйше посвящаю Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ.

(сестрѣ милосердія).

Въ борьбѣ съ врагомъ, отчизна вдругъ
Свои сокровища открыла:
Спѣшатъ на зовъ, бросая плугъ,
Крестьяне—смерть не устрашила;
Покинувъ дивные дворцы,
Мольбы отцовъ почти не слыша,
Спѣшили въ ратный станъ юнцы,
Внимая голосу лишь свыше.
Гдѣ смерть царитъ, гдѣ муки стонъ,
Заразы знойное дыханье,
Туда, со всѣхъ Руси сторонъ,
Орлы слетѣлись для страданья...
Въ палатахъ бродитъ день и ночь,
Лишь Божьей силою хранима,
Сестра Царя, Монарха дочь,
Слѣдя за всѣмъ неутомимо.
Среди заразы, мукъ, скорбей,
Она—Сестра для всѣхъ святая...
Съ какимъ восторгомъ всѣ о Ней
Твердятъ, отъ края и до края
Руси великой... Царскій родъ,
Въ годину бѣдствія, страданья,
Свой трудъ, любовь странѣ несетъ,
Забывши жизни обаянье...
Вся мощь страны тамъ на виду:
Сошлись, отъ края и до края,
На смертный бой, его страду,
Сыны—отчизну прославляя.

«Слава Героямъ», стр. 9.

ПОДЪ ЗНАМЕНЕМЪ КРЕСТА.

Зоветъ весь людъ святое дѣло!
И на большой его просторъ
Спѣшатъ идти отважно, смѣло,
Отряды братьевъ и сестеръ.

На бранный пиръ, на поле битвы,
Они идутъ изъ разныхъ мѣстъ,
Творя въ душѣ своей молитвы,
Неся, какъ знамя, Красный Крестъ.

Туда, на путь залитый кровью
Родныхъ борцовъ, на вопль и стонъ,
Они съ терпѣньемъ и любовью,
Со всѣхъ стекаются сторонъ.

Затѣмъ, чтобъ общей дружной силой,
При ловкости умѣлыхъ рукъ,
Защитникамъ отчизны милой
Не дать узнать жестокихъ мукъ.

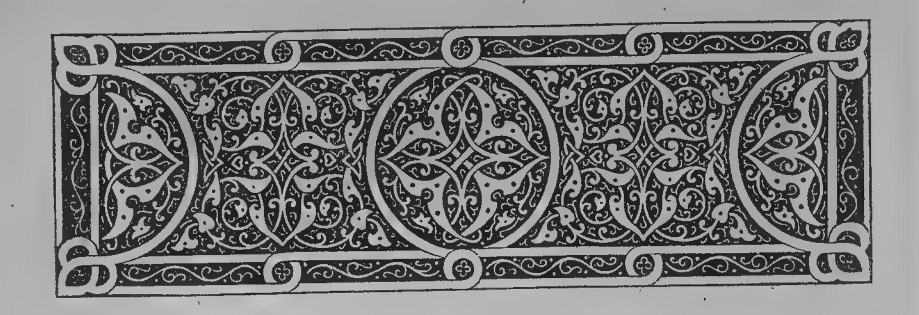
Ихъ ранъ болѣзненныхъ зіянье
Стараться быстро излечить,
И непосильное страданье
Уходомъ нѣжнымъ облегчить.

Чтобъ въ каждомъ раненомъ средь боя,
Воскреснувъ, вспыхнули бы вновь
Въ бою,—святая мощь героя,
И въ жизни,—къ Родинѣ любовь!

Елизавета Зоммеръ.

Рус. Правда 1914 г.

КРАСНЫЙ КРЕСТЪ.

Куда ни глянешь, съ разнымъ мѣстъ—
На бѣломъ фонѣ Красный Крестъ
Глядитъ на васъ, какъ близкій другъ,
Съ воротъ, балконовъ и лачугъ,
Съ дворцовъ, палатъ, роскошныхъ зданій,
Съ большихъ общественныхъ собраній.
Куда ни глянешь, съ разныхъ мѣстъ—
На бѣломъ фонѣ Красный Крестъ.

* * *

Съ полей кровавыхъ привезли
Богатырей родной земли.
Въ борьбѣ упорной и кровавой
Они свершили подвигъ славный;
Избравъ девизомъ: «не страшусь»!
Они сражалися за Русь,
За честь, за Вѣру, за Царя,
Отвагой боевой горя!
И вотъ теперь съ войны кровавой
Они, увѣнчанные славой,
Пришли больные съ разныхъ мѣстъ.
Ихъ уврачуетъ Красный Крестъ.
Здѣсь всѣ, на родинѣ, какъ встарь,
Неутомимо на алтарь

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Съ фотогр. худ. Волкова.

Несутъ заботу, трудъ и знанье,
Чтобъ облегчить хоть чуть страданье
И дать заслуженный покой
Богатырямъ земли родной.

* * *

И силой нравственнаго долга
Мы спаяны теперь надолго:
Вѣдь въ сердцѣ каждаго не камень,
А яркій свѣтъ и яркій пламень.
Куда ни глянешь съ разныхъ мѣстъ—
На бѣломъ фонѣ Красный Крестъ,
Онъ въ сердцѣ каждаго изъ насъ
Горитъ, сверкаетъ, какъ алмазъ!

Вал. Петровъ.

Донец. Обл. Вѣд., № 69, 1914 г.

СЕСТРЫ.

Тамъ, далеко, гдѣ льются кровь и слезы,
Гдѣ тишина и радость не цвѣтутъ,
Гдѣ, какъ звѣзда отъ тучъ, бѣгутъ и таютъ грезы,
Гдѣ пули, смерти вѣстницы, поютъ—
Онѣ приносятъ тамъ благое облегченье
И красятъ смерти тяжкое томленье.
Онѣ кротки, какъ травы при дорогѣ,
Онѣ, какъ огоньки средь сумрака дороги...
Онѣ стоятъ на жуткомъ бредовомъ порогѣ
Любви и жизни, смерти и тоски...
Ихъ голосъ матерей и женъ напоминаетъ,
Родною пѣсней, кажется, мечтанья навѣваетъ.
Въ нихъ скорбь мѣщается со сказками любви
И, кажется, трепещетъ бѣлыми крылами...
И расцвѣтаютъ грезы, какъ цвѣты,—
Когда онѣ глядятъ печальными глазами.
И хочется весны, и хочется чудесъ...
И мира, свѣтлаго—какъ синева небесъ...

Ольга Гомоюнова.

Енисейск. мысль 1915 г., № 102.

«СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ».

Въ эти сумрачныя дали, на кровавыя могилы,
Ты несешь свои печали, свою молодость и силы;
Ты отдашь на полѣ славы радость жизни и любовь
И горячими слезами смоешь съ ранъ глубокихъ кровь.
Ты придешь туда съ привѣтомъ, принесешь съ собой участье
И своимъ духовнымъ свѣтомъ озаришь войны ненастье,
Пусть кругомъ враги дерутся, пусть летаютъ ядра съ воемъ,
И потоки крови льются, и летаетъ смерть предъ боемъ...
Пусть... Но ты, какъ ангелъ ясный, ты пойдешь на поле брани
И подъ градомъ пуль ужасныхъ перевяжешь братьямъ раны.
И страдальцы, умирая, вспомнятъ подвигъ твой высокій
И, тебя благословляя, унесутся въ міръ далекій.

Н. Макашова.

Кронштадтскій пастырь 1916, № 7.

СЕСТРА.

От͏ъ свѣтской роскоши, изъ круга жизни яркой
Ты удалилась и безтрепетно пошла
На поле бранное, на поле битвы жаркой,
Гдѣ стоны слышались, гдѣ кровь изъ ранъ текла.
Ты часто среди дня, въ часы глубокой ночи,
Безсмѣнная, стремясь страданья облегчить,
Отъ койки къ койкѣ шла, чтобы въ меркнущіе очи
Бойца сраженнаго надежду заронить.
Чтобъ всѣмъ, чьи раны ноютъ, чье сердце не согрѣто.
Сказать привѣтливое слово, утишить [illegible]
И раны боль, и боль тоски, внести лучъ свѣта
И въ душу бодрость вдохновляющую влить.
Забыто все тобой: и пышные наряды,
И залы шумные, улыбки и цвѣты,—
Въ косынкѣ и съ крестомъ, какъ символомъ отрады,
Стоишь, прекрасная, среди убогихъ ты.

П. Ур—скій.

Голосъ Истины 1915 г., № 43—44.

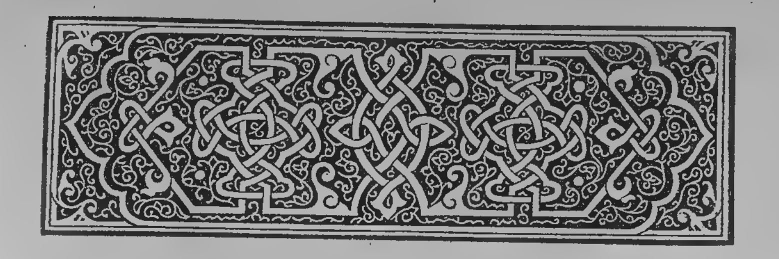

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА

ТАТІАНА НИКОЛАЕВНА.

Съ фотогр. худ. Волкова.

СЕСТРАМЪ.

Надъ адомъ войны молчаливо
Несущія бѣлый уборъ—
Откуда, откуда сошли вы,
Ряды милосердныхъ сестеръ?..

У каждой солдатской могилы
Пріявшія крестъ до конца—
Какой чудодѣйственной силы
Исполнены ваши сердца?..

Въ забвеньи покоя и хлѣба,
Въ сугробахъ и вьюгахъ зимы—
Вы, можетъ быть, ангелы съ неба,
Но только не люди, какъ мы!..

«О, нѣтъ, мы такія же, право...
Пока не пробилъ этотъ часъ,
Дѣля и мечты, и забавы,
Дышали мы около васъ...

О, нѣтъ, мы не ангелы Бога
И прошлое наше—не храмъ...
И пыли разбросано много
По нашимъ недавнимъ путямъ...

Но всталъ надъ роднымъ нашимъ краемъ
Войны угрожающій ликъ,
И Тотъ, Кѣмъ нашъ рокъ намѣчаемъ,
На подвигъ насъ властно воздвигъ!..

Коснулся и слуха, и зрѣнья,
И крестъ на груди начерталъ,
И кроткую силу терпѣнья
Нетвердымъ рукамъ даровалъ...

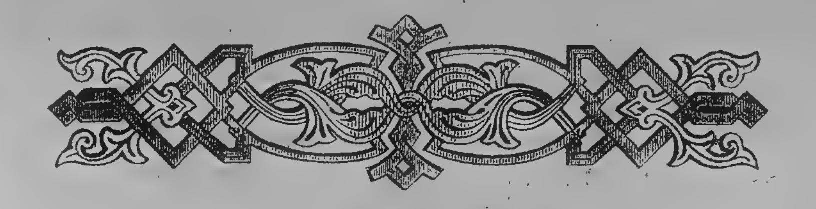
Ступая неслышнѣе тѣни
Вдоль тихихъ, высокихъ палатъ,
Мы ласково клонимъ колѣни
Вездѣ, гдѣ страдаетъ солдатъ.

Бинтуя кровавыя раны,
Цѣлуя холодные лбы,
Мы шепчемъ святые обманы
Въ минуту предсмертной борьбы...

Надъ муками, стонами, жаждой
Мы часто не спимъ до утра...
И вѣрьте намъ—въ женщинѣ каждой
Таится такая сестра!..

Зоя Бухарова.

САМАРИТЯНКА.

I.

Орудій гулъ и взрывъ снарядовъ,
Жужжаніе пуль и трескъ ружей;
«Ура» штурмующихъ отрядовъ,
Могучій крикъ: «Впередъ, смѣлѣй»!
Земля дрожитъ... Ужъ врагъ упорный,
Предъ силой русскаго штыка,
Бросая все, бѣжитъ позорно...
Побѣда наша! Русь крѣпка!
На опустѣвшемъ полѣ брани,
Средь груды труповъ, одинокъ
Лежитъ нашъ воинъ: отъ страданій
И ранъ тяжелыхъ изнемогъ—
Казалось, смерть смыкаетъ очи...
Иль можетъ то волшебный сонъ?
Иль тайна дивной звѣздной ночи?
Внезапный крикъ... Очнулся онъ:
Вонъ тамъ изъ мрака и тумана
«Ура» несется, шумъ и громъ...
Что боль ему, что кровь и раны?
Забыто все... Но вновь кругомъ
Тьма, тишина... То сонъ могилы...
То хладъ... То ужасъ гробовой...
Увы! Исчезли жизни силы...
Послѣдній вздохъ... Прости герой!

II.

Пришелъ въ себя на мягкомъ ложѣ.
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ:
Что передъ нимъ! Великій Боже!

Онъ живъ. Въ теплѣ. Гдѣ битвы адъ?
Въ бреду онъ видитъ предъ собою:
Какъ будто призракъ, духъ небесъ
Съ какой то нѣжностью святою
Надъ нимъ склонился. «Красный Крестъ».—
Эмблема мира, счастья, свѣта,
Былъ на ея рукѣ, груди,
Скрижаль то дивныхъ словъ завѣта:
«Ко мнѣ страдающій приди»!
И понялъ онъ; то не видѣнье,
То,—милосердья чуствъ полна,
Пришла на помощь, утѣшенье
На поле грозныхъ битвъ «О н а
Сестра», для блага брата,
Покинувъ мирный кровъ, очагъ,
Свершаетъ подвигъ просто, свято—
Ей всѣ равны—и свой, и врагъ;
Несетъ она любви высокой
Крестъ тяжкій—вѣры идеалъ
И въ залахъ, хижинѣ убогой,
Въ поляхъ, лѣсахъ, въ тѣснинахъ скалъ...

III.

Ужъ смерть не страшна ему нынѣ;
Не въ полѣ забытъ онъ лежитъ;
Не въ мрачной небесной пучинѣ
Звѣзды лучъ неясно блеститъ—
Онъ видитъ печальныя очи
И скорбный онъ чувствуетъ вздохъ;
Какъ ангелъ хранитель въ часъ ночи
Сны дѣтства лѣлѣялъ, стерегъ—
Такъ нѣжно смягчаетъ страданья
Сестра милосердья, любви...
Чрезъ силу сдержалъ онъ рыданья...
Гдѣ жъ юныя грезы? Увы!
Чѣмъ жилъ, что таилъ онъ понынѣ,
Что въ битвѣ стояло предъ нимъ,
Чему вѣрилъ онъ какъ святынѣ—
Все, все то исчезло, какъ дымъ.

«Сестра»! Ты, какъ ангелъ печали,
Ему утѣшенье въ тотъ мигъ—
Въ тебѣ слилъ, что годы умчали,
Что жаждалъ, чего не достигъ...
Ты вздохъ его примешь прощальный
И ручкой родною своей
Закроешь глаза на путь дальній—
Въ загробное царство тѣней...

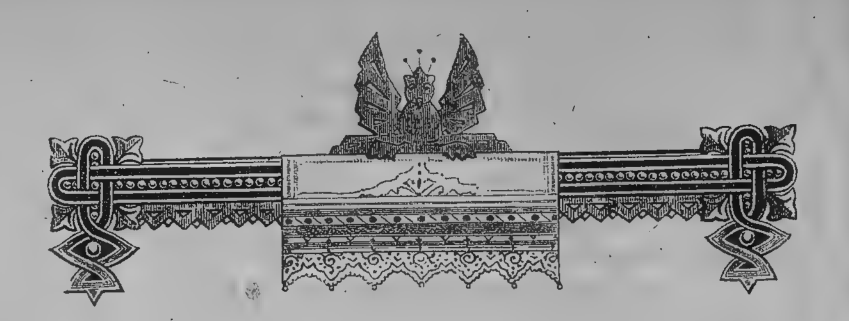
IV.

Минуютъ бури, непогоды...
Въ дни мирныхъ, суетныхъ заботъ.
Среди ликующей природы
О «сестрахъ» память оживетъ,
Когда героевъ вспоминая,
Побѣды пѣсню имъ споютъ,
Тебя, тебя, сестра святая,
За подвигъ твой превознесутъ;
Ты нѣжно слабое созданье
Геройски крестъ любви несла,
Смягчала муки и страданья
И съ смертью ты борьбу вела...
Въ веселья часъ, бокалъ заздравный
Подниметъ въ честь твою «сестра»,
Тобой спасенный воинъ славный,
И возгласитъ тебѣ: «Ура»!

И. Ф. Ведринскій.

Тифлисъ, Январь 1915 г.

РУССКАЯ ДѢВУШКА.

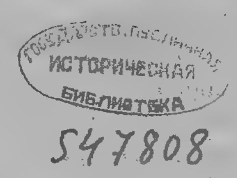
Ясная ночь... Темно-синія дали
Въ звѣздныхъ узорахъ повисли кругомъ...
Шумнаго дня и восторгъ и печали
Скрылись таинственно въ мракѣ ночномъ.
Въ окна вагона мелькаютъ, какъ тѣни,
Нивы широкія, рѣчки, лѣса,
Блѣдныя пятна уснувшихъ селеній,
Южнаго края живая краса.
Чудные виды!.. На нихъ изъ вагона
Личико дѣвушки нѣжно глядитъ,
Въ темную даль безпредѣльнаго лона
Дума за думой невольно летитъ...
Жалко-ль разстаться ей съ этой природой,
Жалко-ль прошедшее новымъ смѣнить,
Юныя чувства съ весенней свободой
Первой любовью навѣки смутить.
Или, быть можетъ, желанное счастье
Новая встрѣча ей завтра сулитъ,
Или въ какой то невѣдомой власти
Въ звѣздную даль она долго глядитъ.
Нѣтъ! Не восторгами юности ясной
Вѣютъ теперь молодыя черты,—
Къ цѣли возвышенной, къ цѣли прекрасной
Пылко стремятся живыя мечты!
Что ей радость, и счастье, и розы,
Лучшія розы весны молодой,

Если въ отчизнѣ тревога и слезы,
Если нарушенъ желанный покой.
Тамъ, гдѣ не внемля завѣтамъ молитвы
Сонмы людей утопаютъ въ крови,
Тамъ, на пожарѣ безсмысленной битвы,
Надо побольше труда и любви!
Съ ними ослабнутъ и смерть и страданья,
Вѣра въ побѣду окрѣпнетъ въ груди
Силы вернутся, и съ прежнимъ желаньемъ
Жизнь улыбнется для нихъ впереди.
Съ этимъ то чувствомъ любви и участья
Русская дѣвушка къ бою спѣшитъ,
Горькую участь тоски и несчастья
Дѣвичьимъ сердцемъ она облегчитъ!..
Такъ пожелаемъ же ей безконечно
Знойнаго счастья за подвигъ святой,
Ею свершенный тепло и сердечно
Въ трудные дни для отчизны родной!

Викторъ Бякинъ.

1 августа 1915 г.

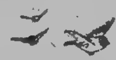

СЕСТРА.

Свершился часъ, ты вновь на ратномъ полѣ,—
Гдѣ пушекъ громъ, картечи свистъ и вой,—
Среди огня, въ чудовищной юдоли,—
Свершаешь долгъ великій и святой.
Забывши свѣтъ, идешь ты за полками,
Любви огонь тая въ своей груди,
Презрѣвши страхъ, отчизнѣ служишь свято,
Свой крестъ несешь по мѣрамъ силъ своихъ
И видишь ты въ солдатѣ каждомъ брата,
Скорбишь душой ты любящей за нихъ...
Сестра! сестра!—отвсюду слышишь звуки...
И видишь тутъ—молящій, скорбный взоръ,
А тамъ вдали,—простерты кверху руки
Тамъ смерть прочла свой грозный приговоръ.
Но ты съ Крестомъ припавши къ изголовью
Героя сѣраго, какъ любящая мать,
Шинель его пропитана вся кровью,
Ему спѣшишь ты помощь оказать.
Онъ раненъ въ грудь, отчизну защищая,
Какъ сынъ ея, какъ истинный герой,—
И въ этотъ мигъ его ты утѣшая
Ему являешься какъ матерью родной...
Отъ ласкъ твоихъ стихаютъ боли раны,
Тебя «хранителемъ» недаромъ вѣдь зовутъ.
И за тебя герои-великаны
Къ творцу міровъ молитвы вознесутъ...
Храни жъ Господь тебя, сестра родная,
Неси свой крестъ великій и святой!..
Пусть знаетъ міръ отъ края и до края,—
Гордится Русь, какъ дочерью, тобой!..

В. Карповъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

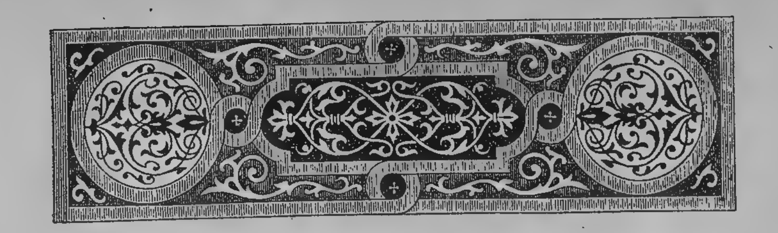
СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

И каждый день въ косынкѣ бѣлой
Она приходитъ въ лазаретъ,
Чтобы стереть рукой умѣлой
Горючей крови яркій слѣдъ.
И всѣ такъ ждутъ ея улыбки,
Ея движенья, нѣжныхъ словъ,
И знаютъ, знаютъ безъ ошибки
Чуть слышный звукъ ея шаговъ.
Нальетъ изъ крашеной бутылки
И молвитъ тихо:—«Не робѣй!»
А тамъ ужъ новыя носилки
Стоятъ угрюмо у дверей.
Вчера ихъ лица были грубы,
Сурова каждая черта,
А нынче, обнажая зубы,
Улыбка сходитъ на уста.
И всѣмъ отвѣтитъ. И проходитъ
Среди раздавленныхъ войной.
И каждый въ ней свое находитъ,—
Забытый образъ дорогой.
И мнится, изъ деревни дальней
Къ нему пришла родная мать,
Чтобы безмолвно и печально
Его глаза поцѣловать.
И, позабывъ о жгучей боли,
Онъ засыпаетъ тихимъ сномъ.
Онъ засыпаетъ. Снится поле,
Рѣка, деревня, отчій домъ.
Она не спитъ. Другихъ разспроситъ,
Утѣшитъ боль глухихъ скорбей...
А тамъ еще, еще приносятъ
И ждутъ угрюмо у дверей.

А. Воинъ.

Совр. войны въ русской поэзіи, стр. 143.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Вотъ она въ чистенькой, бѣлой косынкѣ,
Въ платьицѣ сѣромъ, простомъ,
Съ личикомъ честнымъ, почти безъ кровинки,
Въ фартукѣ, съ краснымъ крестомъ.
Здѣсь перевязку наложитъ умѣло.
Рану промоетъ въ крови...
Всею душой отдалась она дѣлу,
Дѣлу великой любви.
Ночью и днями не знаетъ покоя,
Силъ не жалѣетъ, трудовъ,
Любитъ она и солдата-героя,
Любитъ она и враговъ.
Вотъ на носилкахъ солдатъ умираетъ,
Тихо склонилась къ нему,
Ласково смотритъ въ лицо, утѣшаетъ:
— Что ты, родной, не пойму?
Шепчетъ больной ей опять, еле внятно:
— Тяжко зашибло меня...
Нѣтъ... не вернуся, умру, вѣроятно...
Дома-то жинка... семья!
Ты напиши ужъ, родная, письмишко!
(Адресъ ей въ руки суетъ):
Тамъ у меня подростаетъ сынишка,
Онъ по складамъ разберетъ...

Адресъ взяла и спѣшитъ уже скрыться
Дальше отъ взоровъ людей...
Жаль ей солдата, рыдаетъ сестрица,
Слезы бѣгутъ, какъ ручей...
Ты отдавала и силы, и знанья,
Жизнь отдавала въ бояхъ,
Вылей все горе свое и страданья
Въ этихъ жемчужныхъ слезахъ.
Но ужъ она въ своей бѣлой косынкѣ,
Съ личикомъ кроткимъ, простымъ
Живо смахнула рукою слезинки
И возвратилась къ больнымъ...
Здѣсь на войнѣ среди сѣрой военщины
Близко къ окопамъ, къ снарядамъ, къ крови,
Эти прекрасныя, чудныя женщины
Символомъ служатъ любви.

Николай Морской.

Передовыя позицiи 1914 г. 20 Октября.
Сцена и арена, № 14.

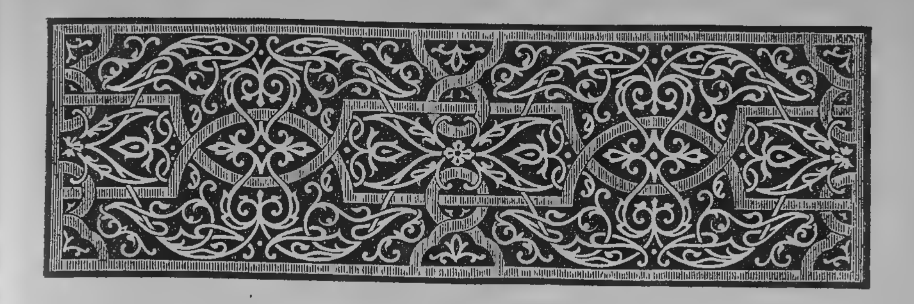
СЕСТРѢ.

(Посвящается Н. М.).

«Сестрица, милая, испить бы мнѣ водицы»!—
Чуть слышно шепчетъ весь израненый солдатъ,
И кроткіе глаза молоденькой сестрицы
Съ любовью и тоской на бѣднаго глядятъ.
Да, вижу я тебя, далекая, родная,
Душа твоя полна огнемъ святой любви,
Всѣ силы для другихъ съ восторгомъ отдавая,
Ты ангеломъ идешь среди людской крови...
Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,
Мелькнулъ послѣдній день въ гимназіи, а тамъ—
Свобода, трудъ святой! Какъ трепетно мы рвались
Къ любимой цѣли всѣ, къ завѣтнымъ берегамъ.
И вотъ мы разошлись, жизнь разныя дороги
Послала намъ, и ты, горя надеждой, шла...
Я слышала, что путь твой полонъ былъ тревоги,
Что много было бурь, но ты—ты все снесла...
Отчизнѣ Царь Небесъ послалъ, какъ испытанье,
Войну, и прозвучалъ вездѣ одинъ призывъ:
На помощь! И въ душѣ умолкли всѣ страданья,
Сестрою стала ты, про личное забывъ.
Родная, вижу я тебя среди мученій,
Я вижу кроткій взглядъ задумчивыхъ очей
И блѣдное лицо съ печалью отреченья,
Съ печатью мукъ чужихъ и слезъ въ тиши ночей.
О, если бы, мой другъ, и всѣ въ родной Россіи,
Какъ ты, несли труды отчизнѣ дорогой,
Во всемъ спѣша помочь,—быть можетъ, волны злыя
Отхлынули бъ скорѣй, и наступилъ покой.

А. Тиханова.

НОЧЬ ВЪ ПЕРЕДОВОМЪ ГОСПИТАЛѢ.

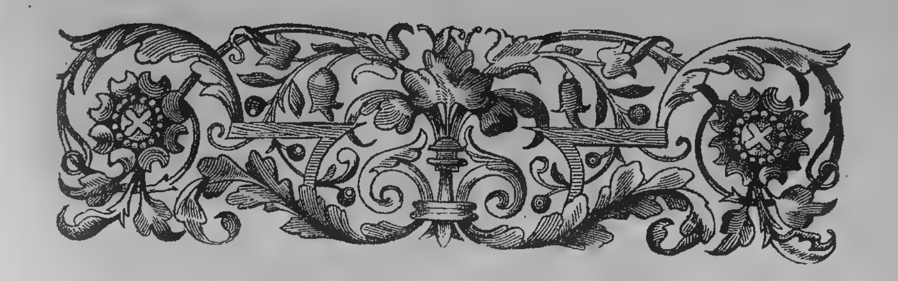
Въ госпиталѣ грустно...
Больно... тяжело...
Жизнь въ полузабытьи;
Смотритъ смерть въ лицо.
Ночь... Не спитъ, томится
Раненый герой...
Жалокъ стонъ протяжный,
Мраченъ бредъ глухой.
Въ изголовьи дремлетъ
Блѣдная сестра,
За день безпокойный
Истомилась вся.
Подъ окномъ сурово
Ходитъ часовой,
А въ дали ненастной
Громыхаетъ бой...
Въ госпиталѣ мрачно:
Стонъ и полутьма,
Не безпечно дремлетъ
Добрая сестра.
Снятся ей чужія
Грозныя поля,

Тяжело... А скоро-ль
Кончится война?!.
Покрѣпись немного,
Потерпи, сестра!
Будетъ... будетъ тихо,
Отдохнешь тогда.
За окномъ сердито
Непогодь шумитъ,
На равнинахъ вражьихъ
Страшный бой гремитъ...
Нехотя въ туманѣ
Занялась заря,
Въ госпиталѣ грустно,
Траурна война...
Чу, стучатся въ двери,—
Пробудись сестра!
Смуглые герои
Вновь зовутъ тебя.

Гр. Ключаревъ.

Голосъ Истины 1915 г., № 20—21.

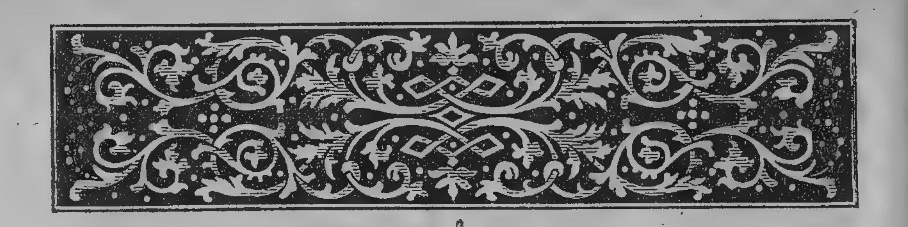
СЕСТРА.

Въ бреду, одинокій, тоскою объятъ,
Лежалъ я, забытый, въ ущельи Карпатъ
И пушки стонали,—я тяжко вздохнулъ,
И горное эхо вторилъ ихъ гулъ.
Я, помню, пришелъ въ себя, глухо стеня,
Съ туманнымъ разсвѣтомъ осенняго дня.
Въ тиши надо-мною склонилась сестра,—
Задумчивый образъ въ мерцаньи утра,—
И ранъ моихъ нѣжно коснулась она,
И въ душу больную сошла тишина...
И что-то родное, съ забвеньемъ святымъ
Повѣяло въ сердце крыломъ золотымъ...
И понялъ я сердцемъ, живущій во мглѣ,
Что есть неземное на грѣшной землѣ,
Что зла озаряетъ унылую тьму,—
Любовь состраданія—имя ему!

В. Тарноградскій.

Прикарпатская Русь.

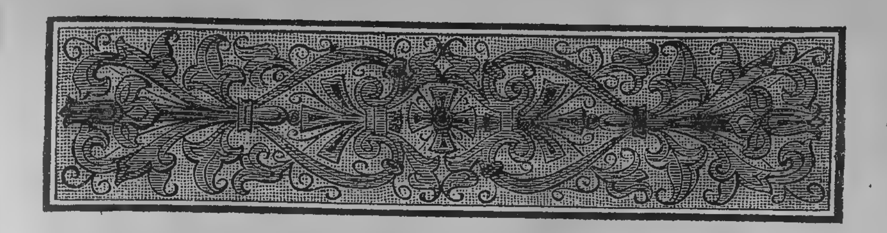
СЕСТРЫ.

Въ толпѣ беззаботной и пестрой
Подъ сѣнью тѣнистыхъ аллей
Я видѣлъ когда то васъ, сестры,
И взгляды веселыхъ очей.
Тамъ жизнь свои цѣпи ковала,
И звонъ многошумный гудѣлъ.
Конецъ превращался въ начало,
И звенья слагали предѣлъ...
И вотъ повстрѣчались мы снова,—
Во взорахъ—страданій печаль,
И грусть и такъ много святого,
Какъ будто пора умирать.
И здѣсь среди стоновъ и смерти
Васъ, сестры, я вижу опять.
Пришли вы, я знаю, повѣрьте,
Чтобъ жизни вернуть ея прядь!..
И грусть затаенныхъ страданій
И ласка глубокихъ очей
Стираютъ холодныя грани
Безсонныхъ и дней и ночей;
Стираютъ кровавыя нити
Витающей смерти вокругъ,
И жизнь въ эти годы событій
Свершаетъ, какъ прежде, свой кругъ.

В. Будрикъ.

Кавказскіе курорты 1915 г., № 11.

ПЕРЕДЪ СЕСТРОЙ МИЛОСЕРДІЯ.

(Послѣднія слова умирающаго офицера).

Ахъ, это вы, сестра?!. Я васъ узналъ съ трудомъ...
Замѣтилъ, какъ ко мнѣ вы тихо подходили,
Но въ головѣ стоитъ такой содомъ...
Нѣтъ! Вы меня не разбудили,—
Я самъ проснулся! Самъ! Должно быть страшный сонъ
Меня отъ ужаса заставилъ пробудиться...
Въ ушахъ еще сейчасъ какой то гулъ и звонъ...
Ахъ, сердце бьется и томится,
Какъ на смерть раненая птица...
Ахъ, что же... вспомнилъ бы... что видѣлъ я во снѣ?..
Я будто бъ защищалъ изорванное знамя...
Враги со всѣхъ сторонъ сбѣгаются ко мнѣ...
Солдаты падаютъ... Повсюду—громъ и пламя...
Въ глазахъ кровавыя клубятся облака...
Вотъ что то обожгло... Я знамя рву съ древка...
И вижу какъ сквозь сонъ: нестройными рядами
Бѣгутъ на помощь мнѣ... Со мною честь полка!..
И все потомъ смѣшалось предъ глазами...
Но—слушайте, голубушка, что съ вами?..
Я такъ привыкъ веселой видѣть васъ,
А вотъ теперь—во взглядѣ вашемъ слезы...
Надѣюсь,—васъ смутилъ не этотъ мой разсказъ?..
Вѣдь, это только сонъ! Болѣзненныя грезы!..
Пустое все!.. Разгадка не хитра:
Тотъ бой, гдѣ раненъ я,—мнѣ вспомнился случайно...
А былъ онъ такъ жестокъ, жестокъ необычайно...
. . . .

Скажите, милая и добрая сестра,
Когда жъ меня отпустятъ доктора?..
Мнѣ кажется, что это, вѣдь, не тайна?..
Я праздности своей, въ концѣ концовъ, не радъ...
Мои товарищи, должно быть, слишкомъ бойки:
Успѣли здѣсь побыть и вновь ушли назадъ,—
Навѣрное, вернулись въ свой отрядъ...
А я еще лежу на этой скучной койкѣ!..
Пора и мнѣ туда!.. Довольно здѣсь грустить!..
Я слышалъ, что нашъ полкъ сталъ меньше въ половину...
За это мы должны порядкомъ отомстить!..
Едва я съ радостью больничный кровъ покину,—
Сейчасъ же поспѣшу къ отряду своему...
Должно быть, бѣдному, досталося ему,
Когда мы знамя отбивали!
Да что!.. Такія ли сраженія бывали!..
Какъ вспомнишь, напримѣръ, послѣдній этотъ бой,—
Не вѣрится, что жизнь еще съ тобой...

. . . .

Смерть тамъ на тысячѣ крыльевъ летала,
Взмахомъ однимъ человѣка сметала...
Солнце померкло,—и въ мракѣ ужасномъ
Кровь разгоралася пламенемъ краснымъ...
Жгло это пламя останки людскіе...
Слышались вопли и стоны глухіе...
Изъ омраченной таинственной дали
На землю съ визгомъ огни упадали;
Цѣлыя солнца съ угрозой трескучей
Надъ человѣческой падали кучей...
Кровь заливала горячею лавой
Павшихъ со славой...

. . . .

Звуки сливались въ безумномъ концертѣ:
Слышался хохотъ ликующей смерти,
Слышался яростный скрежетъ зубовный,—
Гимнъ безпощадной рѣзни многокровной...
Люди другъ друга душили съ тѣмъ гимномъ,—
На смерть душили въ объятьѣ взаимномъ...
Кости отъ этихъ объятій хрустѣли...
Въ ужасѣ корчилось тѣло на тѣлѣ...

Павшихъ въ бою безконечно-жестокомъ
Даль омывала свинцовымъ потокомъ...
Кровь заливала горячею лавой
Павшихъ со славой...

. . . .

Вы сердитесь? Молчу! Не надо вспоминать...
Иначе кровь начнетъ душить опять...
Ахъ, этотъ ужасъ битвъ, разгулъ кровавыхъ оргiй!..

. . . .

Извѣстно-ль вамъ, сестра, что у меня «Георгiй»?
Вы спросите,—за что?.. За то, что въ томъ бою
Свинецъ ворвался въ грудь мою...
Какiе пустяки!.. Солдатики-бѣдняги
Достойнѣе меня... Герои на подборъ...
Какое мужество!.. Какой огонь отваги!..
Я ихъ, какъ будто бы, не зналъ до этихъ поръ...
Они не задрожатъ предъ самымъ даже адомъ
При встрѣчѣ съ вражескимъ отрядомъ...
И я ихъ снова поведу!..
Вы смотрите, сестрица, строгимъ взглядомъ?..
Вамъ кажется, что я сейчасъ—въ бреду?..
Нѣтъ... Успокойтесь!.. Нѣтъ!.. Мнѣ нынче лучше много...
По моему, такъ я совсѣмъ здоровъ...
Но, добрая моя, скажите жъ, ради Бога:
Когда окончится опека докторовъ?..
Не знаете?.. Ахъ, да! Быть можетъ, очень скоро?..
Зачѣмъ вы хмуритесь?.. Сердиты на меня?..
Не разрѣшаете большого разговора?
А, между тѣмъ, я съ нынѣшняго дня
Совсѣмъ, совсѣмъ здоровъ... И вашего укора
Ничѣмъ не заслужилъ... Вѣдь, вы мнѣ, какъ родная,
Мнѣ съ вами хорошо и просто говорится...
Я вотъ что вамъ еще хочу сказать, сестрица:
Сегодня,—прежде, чѣмъ заснуть,
Я все мечталъ, какъ славно возвратиться
Домой, на родину,—и дома отдохнуть...
Украситъ крестъ прострѣленную грудь,—
Какой мы пиръ съ Катюшею устроимъ!..
...Ну, вотъ на этотъ разъ совсѣмъ забылся я...
Вѣдь, я вамъ не сказалъ, что у меня—семья?..

Постойте,—разскажу... Напрасно чувствъ не тратя,
Жениться я рѣшилъ, едва ушелъ въ запасъ...
Моя жена, моя голубка Катя...
Вы знаете?—Она не хуже васъ...
Своимъ вниманіемъ привѣтливымъ и ровнымъ,
Улыбкой ласковой, терпѣніемъ любовнымъ
Напоминаете вы Катю мнѣ какъ разъ...
Какъ плакала она!.. Ахъ, эти слезы, слезы!..
Въ часъ разставанія я ими былъ смущенъ:
Мнѣ страшны дѣлались грядущаго угрозы,—
И изъ груди моей невольный рвался стонъ...
Долгъ требовалъ, отчизна призывала,—
И вся душа моя тревожно сознавала...
Что родинѣ въ борьбѣ обязанъ я помочь...
Но сердце трепетно и жутко изнывало,
Стараясь отогнать тоску разлуки прочь...
А тутъ еще малютка Оля—дочь...
Ея безпечный смѣхъ отчетливо и внятно
Я слышу и теперь... Ей нынче пятый годъ...
Она меня, смѣясь, отправила въ походъ...
Для дѣвочки моей казалось непонятно,
Что, можетъ статься, въ дни невзгодъ
Къ ней папа не придетъ обратно...
Готовый въ путь,—я съ ней прощаться сталъ,
Послѣднія мгновенія считая...
Я дочку на рукахъ подбрасывалъ, качалъ,
Но личика ея уже не различалъ:
Глаза туманила завѣса слезъ густая...
Малюткѣ весело... Къ отцовской бородѣ
Тянулась нѣжная, задорная рученка...
И дѣтскій смѣхъ звучалъ такъ искренно и звонко
Навстрѣчу тягостной бѣдѣ...
Такъ проводилъ меня въ дорогу смѣхъ ребенка
И слезы матери, жены и сироты...
Война, война,—чего мнѣ стоишь ты!..

. . . .

Но отступать нельзя. Подъ знаменемъ отчизны
Не мало страшныхъ жертвъ возьметъ борьба съ врагомъ,—
И, все-жъ, ни слова укоризны
Не будетъ слышаться кругомъ...

Откуда вихрь грозы надъ родиной моею...
Кто смѣетъ угрожать родной моей странѣ?..
Кто бросилъ вызовомъ къ рѣшительной войнѣ?..
Вставай лицомъ къ лицу!.. Я силъ не пожалѣю...
Пальба вездѣ... Огонь... Весь міръ горитъ въ огнѣ...
О, неужели же я въ битвѣ ослабѣю?!.
Солдаты вѣрные, ко мнѣ!..
Въ борьбѣ за родину—ни страха нѣтъ, ни болей...
Мы побѣдить должны,—такъ рѣшено судьбой,
Такъ предназначено безгрѣшной Высшей Волей...
Быть можетъ, лишь одинъ, одинъ послѣдній бой,—
И я, ликующій, вернусь къ себѣ домой
И вновь увижу Катю съ Олей...
Все будетъ хорошо... Миръ, счастье и покой...
Вотъ я ужъ и теперь спокоенъ, въ самомъ дѣлѣ...
Сестра... Голубушка... Вы что то поблѣднѣли?..
Лекарство мнѣ опять?.. Несносные бинты?..
Оставьте!.. Я здоровъ. . . . .
. . . Чу... слышите вы?.. Пѣнье!..
Какой волшебный гимнъ!.. Какое облегченье!..
Все хорошо... Ахъ, Катя, это ты!?.
Зачѣмъ ты здѣсь?.. Тутъ кровь вездѣ, мученье...
. . . .
Нѣтъ... нѣтъ... не бойся... здѣсь—цвѣты...
. . . .

П. Блиновскій.

Народн. Вѣстн. 1915 г.

ИЗЪ СОЛДАТСКОЙ ПОЭЗІИ.

Наши добрыя сестрицы—
Сердце ангельское въ нихъ
Одной дышатъ добротою,
Очи ясныя у нихъ.
Всюду ласковое слово
Слышно въ голосѣ отъ нихъ,
Нѣтъ обидной крошки тѣни
Это каждый подтвердитъ.
Мы ли ихъ не безпокоимъ
Изъ за каждыхъ пустяковъ,—
Всѣхъ они насъ успокоятъ
И найдутъ любезныхъ словъ.
Кому книжечку читаютъ,
Кому пишутъ письмецо
И отъ дружеской бесѣды
Проясняется лицо.
Утро свѣтомъ озаряетъ,
Ночь тяжелая прошла,
Съ добрымъ утромъ!—поздравляетъ
Милосердная сестра.

Рядовой *Евстигнѣевъ.*

Солд. Вѣстн. Петр. Воен. Округа 1915 г., № 72.

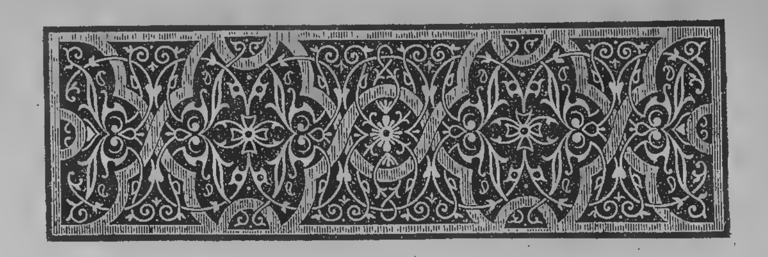
ПОДЪ СѢНЬЮ КРАСНАГО КРЕСТА.

Кому постыла безтолковая,
Пустая жизни суета,
Того ждетъ жизнь иная, новая,
Подъ сѣнью Краснаго Креста.
Чьи руки тонкія и нѣжныя
Не уставали отъ работъ,
Чьи души сонно-безмятежныя
Не знали горя и заботъ...
Чье сердце не для счастья яркаго,
А для страданій рождено,—
Всѣмъ мѣсто тамъ, средь боя жаркаго,
Самой судьбой отведено.
Тамъ, гдѣ снаряды разрываются,
Мелькаютъ красные кресты...
Съ любовью сестры наклоняются
И въ незнакомыя черты
Пытливо взоры ихъ впиваются.
Тамъ, гдѣ рѣкой неудержимою
Девятый мѣсяцъ льется кровь,
Тамъ и она—неустрашимая,
И вездѣсущая любовь.
Она заботой состраданія
Врага и друга окружитъ,—
Отъ мѣста стоновъ и страданія
Вражда трусливо прочь бѣжитъ,
Любовь вездѣ, гдѣ вопли слышатся,
Гдѣ кровь страдальца пролита—
И воину отраднѣй дышится
Подъ сѣнью Краснаго Креста.

А. Дмитріева.

Холмск. Русь 1915 г., № 23.

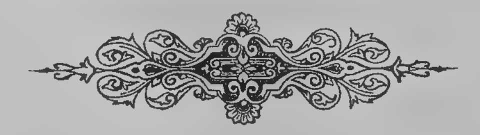
Я ВИЖУ ПОЛЕ...

(Посвящ. сестрѣ Е. А. К.).

Я вижу поле... Мы идемъ,
Спѣшимъ въ глухую ночь...
Прикованнымъ къ землѣ огнемъ
Хотимъ мы встать помочь.
Лазурь въ огняхъ, горитъ какъ храмъ
Въ Святое Воскресенье...
Подняться бъ, помолиться тамъ,—
Имъ получить спасенье!
— «Присядемъ!..» съ лаской говоришь.
— «Придите поскорѣй!!..».
Нарушилъ стонъ ночную тишь
Тоскующихъ полей.
— «Я—здѣсь... сраженъ... не въ силахъ встать.
Товарищи всѣ пали...
Оповѣстите, сестры, мать,
Скажите, что видали,
Какъ умеръ я... «Всю ночь сидимъ
Надъ трупомъ посинѣвшимъ,
Молитву тихую творимъ
Подъ сводомъ заалѣвшимъ.

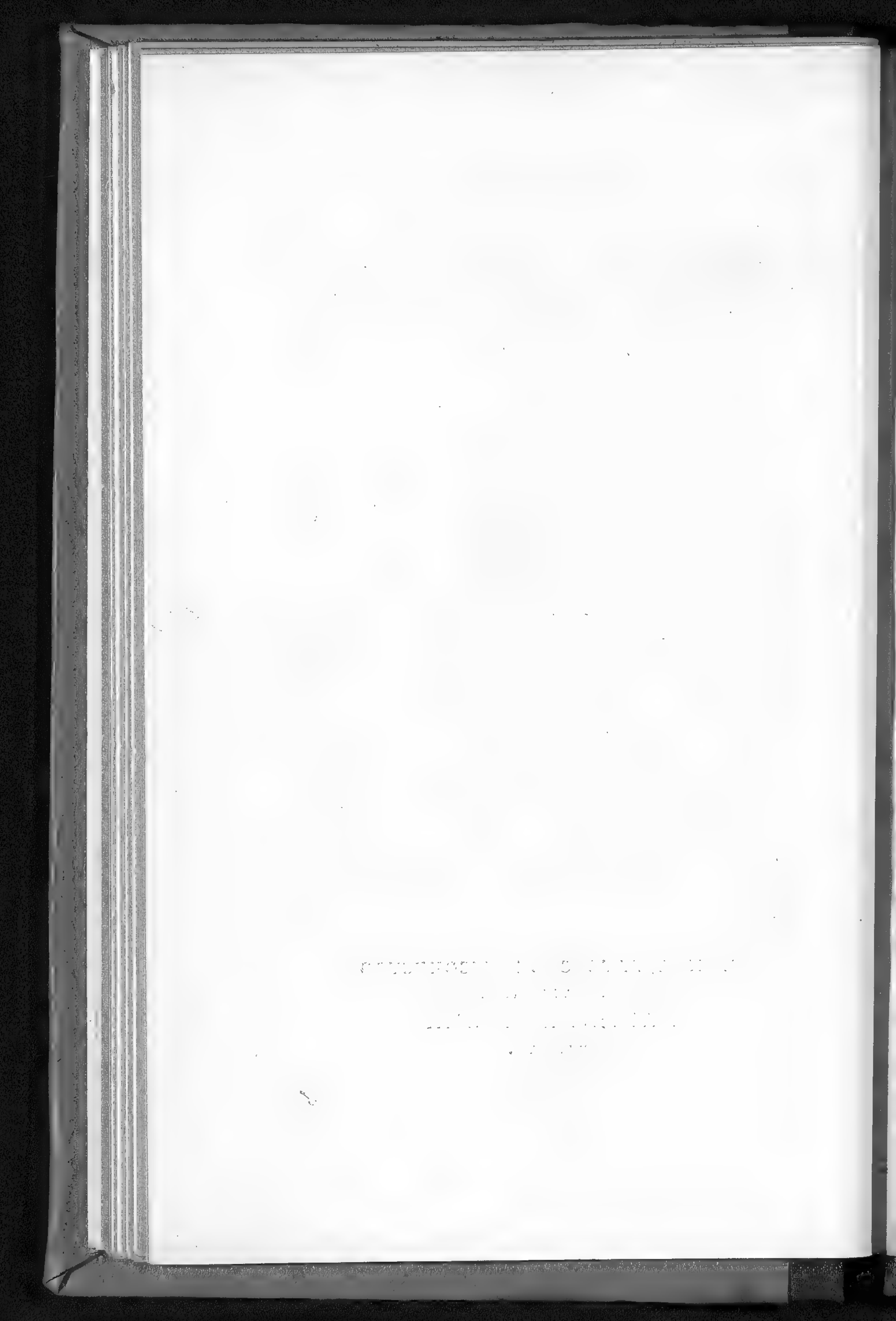
Зинаида Зембницкая.

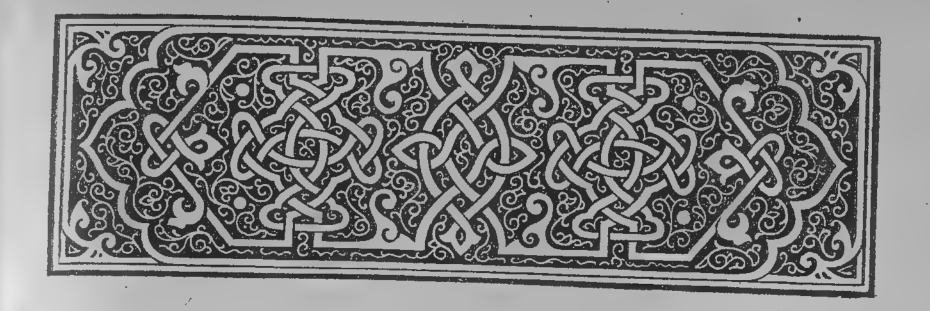
Оренб. Жизнь 1915 г., № 432.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
МАРІЯ ПАВЛОВНА
(МЛАДШАЯ).

«С Е С Т Р А».

(Баллада).

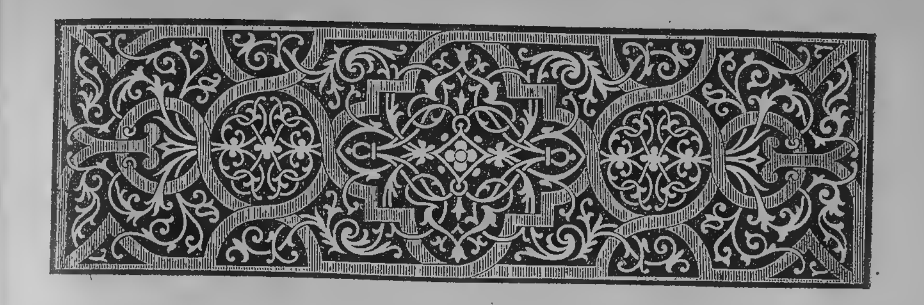
Какъ взмахъ красивой вольной птицы,
Съ твоею трепетной душой,
Съ твоей пьянящей красотой,
Я знаю, ты была царицей.
Твои глаза, твои рѣсницы—
Съ прозрачной тѣнью голубой—
Горѣли страстью огневой
Любви всесильной жрицы.
Твой станъ трепещущей березы
Воздушнымъ шелкомъ былъ обвитъ,
А волосъ—въ кольца былъ завитъ,—
Въ тѣ кольца ты вплетала розы,
Въ рукахъ держала туберозы...
И легкомысленный твой видъ
Плѣнялъ бездарныхъ волокитъ—
Для нихъ была ты грезой.
Но часъ пробилъ,—часъ искуплнья,—
Пришла великая война,
Враговъ нахлынула волна
Съ потокомъ крови, преступленья...
И съ воплемъ грознымъ, въ иступленьи,
Возстала грудью вся страна,

Возстала Русь—душа одна—
На бой, безъ замедленья!..
И ты, влекомая любовью,—
Не той порочной, а иной—
Любовью свѣтлой, неземной,—
Ушла туда, гдѣ пахнетъ кровью,
Туда, гдѣ сынъ любовь сыновью
И жизнь свою несетъ одной
Россіи—Матери родной,
Его залитой кровью.
Забыла ты и шелкъ и розы,
Забыла кольца въ волосахъ,
И голубую тѣнь въ глазахъ,
И стройность трепетной березы...
Ты жалко сняла туберозы
И съ тѣнью грустною въ очахъ,
Съ косынкой черной на плечахъ,
Ушла туда, гдѣ грозы.
Разсталась ты съ мечтой орлицы,
Съ игрой разнузданныхъ страстей,
Забыла сладкій блескъ огней,
Забыла власть всесильной жрицы
И съ кроткимъ сердцемъ голубицы
Ушла туда, гдѣ вой смертей,
Гдѣ лязгъ и стонъ... Мильонъ людей
Зовутъ тебя сестрицей.

Ф. И. Ночкинъ.

Елецкій Вѣстникъ, 1915 г., № 28.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

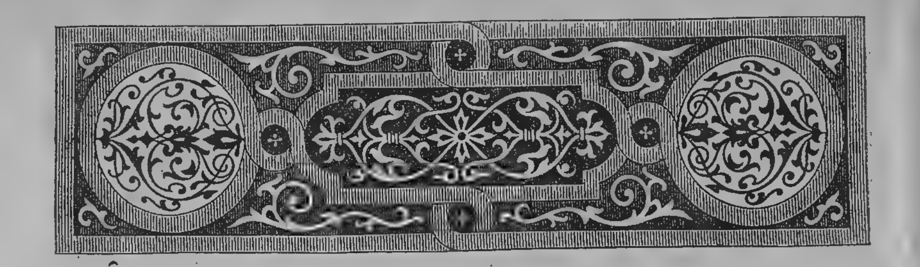
(Посвящается А. М.).

Гдѣ стоны, гдѣ муки
Къ страдальцамъ-героямъ скорѣй,
Надъ ними простри свои руки
И нѣжною лаской согрѣй.
Неси имъ хоть искорку свѣта
И чувство горячей любви.
Они за великое дѣло
Своей не жалѣли крови.
Иди же впередъ безъ смущенья
На путь милосердный добра
Страдальцамъ неси утѣшенье
Онъ молитъ: склонися, сестра.

А. М—ко.

Кіевск. Коп. 1915, № 46.

НА ПЕРЕВЯЗОЧНОМЪ ПУНКТѢ.

— «Я раненъ, сестрица, я раненъ смертельно,—
Солдатъ молодой ей сказалъ:—
«За родину долго я съ нѣмцами бился,
Но пуля сразила, и палъ...

«Много я видѣлъ великихъ страданій;
При мнѣ капитанъ умиралъ,—
Былъ славный начальникъ, отецъ для солдата,
Но пуля сразила, и палъ...

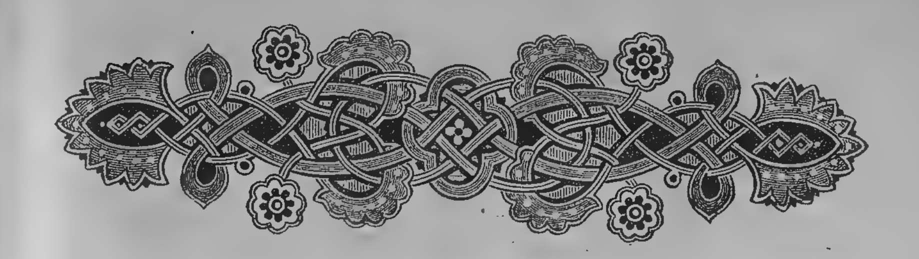
«Одинъ доброволецъ, еще мальчугашка,
Со мною въ окопѣ лежалъ...
Уже прекратилась почти перестрѣлка,
Но пуля сразила, и палъ...

«Да! много героевъ на родинѣ нашей...»—
Тихонько солдатъ прошепталъ.
Сестра наклонилась... а онъ ужъ не дышетъ:
Отъ вражеской пули онъ палъ.

Ан. Мордвиновъ.

Нов. Сѣв. Лист. 1915 г., № 46.

СЕСТРАМЪ.

Какъ тѣнь изъ далекаго, чуднаго рая,
Прекрасна, какъ жизнь и мечта—
Предстала, страданья, тоску исцѣляя
Какъ Ангелъ-Хранитель, сестра.
Съ какою святою и нѣжной любовью,
Съ какою заботой святой
Она эти раны, залитыя кровью,
Кристальной смочила слезой.
    На дивный алтарь милосердья, участья,
    И чистой, прекрасной любви
    Она принесла свое личное счастье,
    Все то, что свѣтило вдали.
Оставила все, и тяжелой дорогой,
Дорогой лишенiй, труда,—
Пошла, гдѣ сражались за правду, свободу,
Туда, гдѣ кипѣла война...
    И тамъ, гдѣ на нивѣ кровавой страданья
    Идетъ неумолчно пальба,—
    Тамъ рѣетъ, какъ символъ добра состраданья,
    Священное знамя креста...
Подъ сѣнью его забывается злоба,
Въ груди затихаетъ вражда,
Какъ тѣнь, исчезаетъ сомнѣнье, тревога,
Возносится съ вѣрой мольба...
    За правыхъ Господь... отъ меча да погибнетъ
    Поднявшiй надменно свой стягъ...
    Отечество наше съ позоромъ покинетъ
    Разбитый униженный врагъ!

Студентъ М. Леоновъ.

Жизнь 1915 г., № 19—20.

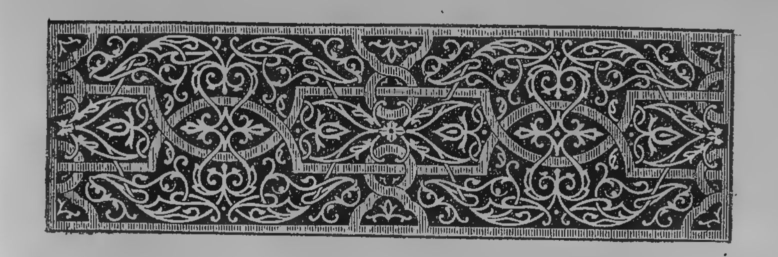
СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Кто по доброй своей волѣ
На страданія идетъ,
И въ больницахъ и въ баракахъ
Помощь страждущимъ даетъ?
Кто несетъ свой подвигъ славный
Съ кроткой ангельской душой
На поляхъ войны кровавой,
Презирая свой покой?
Кто умѣлою рукою
И съ любовію, какъ мать
Въ ранахъ воиновъ—героевъ
Боль старается унять?
Кто въ страданьѣ утѣшаетъ
Ихъ и самъ болитъ душой,
Ихъ въ могилу провожаетъ
Съ непритворною слезой?
Тотъ кому доступно чувство
Сострâданія любви,
У кого въ душѣ не пусто
И огонь святой въ крови.
Это ангелъ утѣшенья,
Гордость, честь краса людей
И, по Вышняго призванью,
Мать страдающихъ дѣтей.
Въ мірѣ женщина святая,
Больныхъ воиновъ кумиръ,
Что любовію сгорая,
Удивляетъ Божій міръ.
Это та, какую знаетъ
Каждый воинъ нашъ герой
И какую называютъ
Милосердія сестрой.

Д. Фроловъ.

Воинъ и пахарь 1915 г., № 24—25.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Для добрыхъ дѣлъ ей нѣтъ запрета,
Цѣль жизни—ближнимъ сострадать,
И для питомцевъ лазарета
Она: сестра и другъ и мать.

Она покоитъ духъ упавшій
И раны сердца и души,
Закроетъ взоръ перестрадавшій
Съ любовью матери въ тиши.

Печаль дѣтей и участь вдовью,
Потери матери, отца
Пойметъ склонившись къ изголовью
Изнеможденнаго лица.

Она здѣсь лучъ и вѣстникъ рая,
Любовь безъ мѣры и границъ,
Добромъ обильно покрывая
Печали жизненныхъ страницъ.

В. Бараненковъ.

Лужск. газ. 1914 г., № 73.

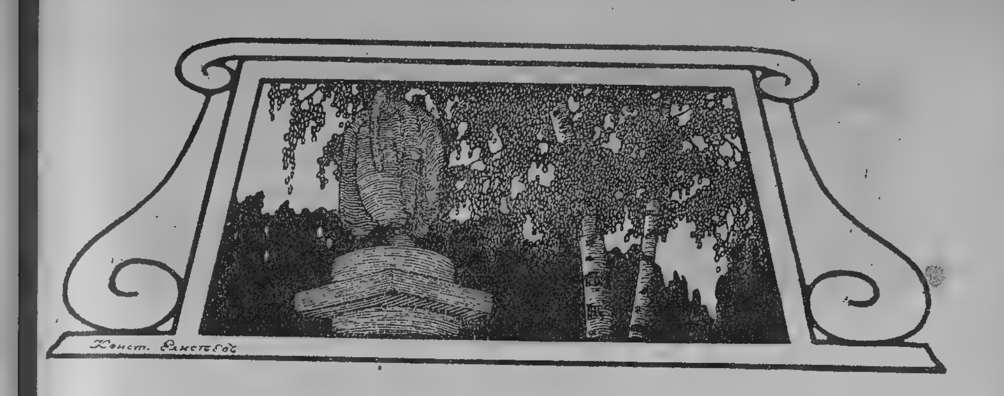
СЕСТРІЦІ.

Моя ти сестро дорогая,
Ти не дивись, що люди злі,
Йди стежкою, що протоптала,
По всійріднесінькій землі.
Минай усе, що йе недобре,
Хай вона серце не займа.
Тобі, голубко, одна дорога
А йім багацько, та дарма,
Такихъ як, ты, йе мало въ світі.
У тебе в серці багаття,
Котре нічим вже не заліти,
В котрому все твое життя.
Твое життя біля убогих,
Твоі всі думи біля тих,
Котрихъ недоля привітала,
А долинька минала йіх.
Ти світишь й ім, як ясне сонце,
Як в темнім небі зіроньки;
Вітаішь йіх, як ненька рідна,
Хай Господь долю достъ тобі.
Нехай пошле, що ти бажаішь,
Здоровья й довгого життя.
Усе найкраще тим на радість,
Котрі бажають тобі добра.

Полтавка.

Волчанск. Земск. Листокъ 1915 г., № 23.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Вдали отъ дома и друзей,
Гдѣ столько жизней погибаютъ,
Гдѣ громы пушекъ заглушаютъ
Ура побѣдное людей.

Ты будто Ангелъ нашъ Хранитель,
Средь дыма, криковъ, мертвецовъ,
Идешь на стонъ, какъ шелъ Спаситель
Людей очистить отъ грѣховъ.

Въ заботахъ устали не зная
И, какъ Христосъ Святой училъ
Ты не жалѣешь своихъ силъ,
Страданья ближнихъ облегчая.

Б. М.

СЕСТРИЦА.

Еще молодой и прекрасной,
О счастьѣ мечты заглушивъ,
Разсталась съ надеждой напрасной,
Подъ горемъ ее схоронивъ.
Ты радостей свѣтлыхъ не знала,
Хотя терпѣливо ждала,
Лишь муки однѣ испытала,
Едва побѣдить ихъ смогла!
Удалось въ минуты невзгоды
Забыть о соблазнѣ конца...
Прошли съ той поры уже годы,
А скорбь все не сходитъ съ лица.
Прекрасная гордою думой,
Не знаетъ улыбки она...
Ты въ жизни, какъ осень угрюмой,
Смѣяться забыла давно!

. . . .

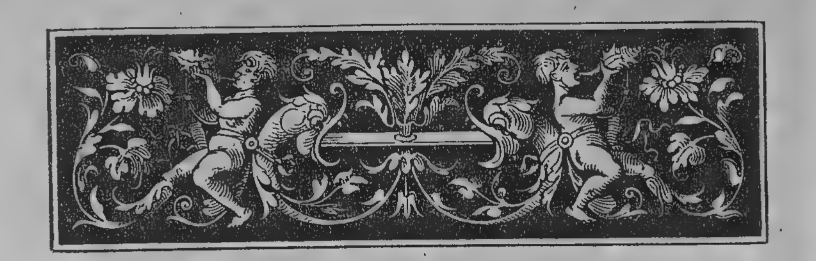
Нежданно надъ родиной милой
Грозой разразилась война!
Всѣхъ русскихъ съ стихійною силой
Сплотила, какъ близкихъ она!
Лицо твое вдругъ оживилось,
Глаза увлеченьемъ зажглись,
Въ мигъ личное горе забылось,
И новые дни начались!

Въ одеждѣ сестры милосердной
И съ краснымъ крестомъ на груди
Отдалась работѣ усердной
И въ ней ты всегда впереди.
Гдѣ подвигъ военный смѣнился
На подвигъ терпѣнья и мукъ,
Твой трудъ для людей пригодился,
Твоихъ все здѣсь требуетъ рукъ.
Тебя провожая глазами,
Страдальцы святою зовутъ,
И съ полными ласки рѣчами
Ты всѣхъ замѣняешь имъ тутъ.
Хоть личнаго счастья не знала,
Другое извѣдала ты!
Полнѣе, чѣмъ-то, что искала,
Подъ властью забытой мечты!
Съ тобой точно чудо случилось,
Какъ раненый смерть побѣдилъ:
Смѣяться ты вновь научилась,
И горе тотъ смѣхъ растопилъ!

Н. Н. Керсновскій.

Приамурье 1915 г., № 2447.

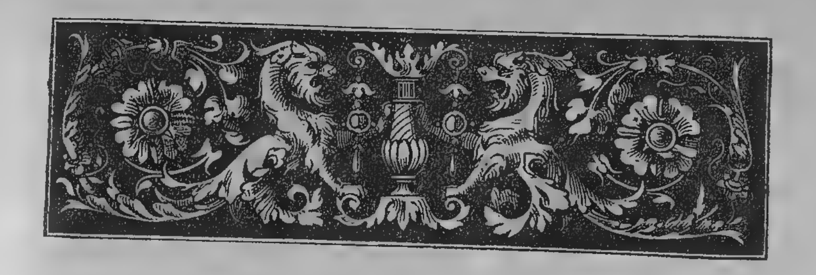

СЕСТРА-ВОЛОНТЕРКА.

Морозно утро... Вставши рано,
Она спѣшитъ—и вотъ подъѣздъ:
Во мглѣ холоднаго тумана
На немъ алѣетъ красный крестъ...
Порывомъ жалости согрѣта,
Душа раскрылась какъ цвѣтокъ...
У тѣсныхъ коекъ лазарета,
Мелькаетъ бѣленькій платокъ...
Она несетъ привѣтъ и ласку...
Тверда, искусна и легка,—
На страшной ранѣ перевязку
Наложитъ юная рука...
Кротка, отзывчива, готова
Всегда утѣшить и помочь...
Молва злословія пустого,
Ты свѣтлый образъ не порочь!
На эти злыя небылицы
Съ больничныхъ коекъ, изъ палатъ—
«Спасибо, милыя сестрицы!»—
Отвѣтитъ раненый солдатъ...

Вл. П. Лебедевъ.

«СЕСТРАМЪ».

Нѣтъ женщинъ безъ любви и нѣтъ любви безъ ласки...
Любуюсь я теперь: по всей Руси святой
Больницы въ мигъ одинъ возникли, словно въ сказкѣ,—
И въ нихъ пріютъ нашелъ страдающій герой.

* * *

Вы жены чудныя, вы, дѣвушки святыя,
Спѣшите радостно на этотъ тяжкій трудъ;
Косынку бѣлую на косы золотыя
Накиньте поскорѣй.... вѣдь васъ зовутъ и ждутъ.

* * *

Зовутъ тѣ тысячи непобѣжденныхъ братьевъ,
Кого въ бою сразилъ предательскій свинецъ....
Вы знаете ль? для нихъ и шелестъ вашихъ платьевъ
Отдастся трептомъ въ крови больныхъ сердецъ!

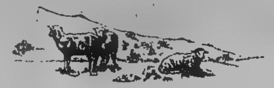
* * *

Вы только подошли,—слабѣющія руки
Съ надеждой робкою страдалецъ протянулъ...
Онъ выплакалъ мечты, онъ позабылъ про муки
И на плечѣ «сестры» довѣрчиво заснулъ...

* * *

И будетъ ли тотъ сонъ живой, иль безпробудный,
И вызоветъ у насъ улыбку или вздохъ...
Вы ласкою своей свершили подвигъ чудный,
И васъ на небесахъ благословляетъ Богъ!

Сергѣй Касаткинъ.

СЕСТРА.

Мерцанья черныхъ глазъ—тревожны въ нѣжной рамѣ...
Ея взволнованныхъ прическою—волосъ...
И это потому, что долгими ночами
Пытаетъ ихъ красу—жестокій приступъ слезъ...
Она пришла къ больнымъ изъ стильныхъ комнатъ барства,
Гдѣ властвовалъ уютъ. Визиты, долгій винтъ...
И запахъ свѣжихъ розъ—смѣнили ей лекарства...
И ворохъ яркихъ лентъ—смѣнилъ ей скромный бинтъ...
Женихъ ея въ огнѣ передовыхъ позицій,
Гдѣ пламенемъ объятъ широкій небосклонъ...
Она пришла—не дать шакалу или птицѣ—
Жестоко осквернить его геройскій сонъ...

. . . .

Уже четвертый день, какъ нѣтъ о немъ извѣстій...
Быть можетъ онъ—въ плѣну... Быть можетъ—заболѣлъ...
А можетъ быть... забылъ... о преданной невѣстѣ...
Или похороненъ... подъ тучей мертвыхъ тѣлъ...
Свѣтаетъ. «Красный Крестъ»! Вотъ—эхо каждой битвы,
Слетаетъ у сестры печально съ тонкихъ губъ...
Она спѣшитъ на зовъ, полна нѣмой молитвы
И по пути въ слезахъ цѣлуетъ—новый трупъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Трудов. газета 1914 г., № 1646.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Незнакомая, чужая,
У походнаго одра
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.
    Изъ столичной ли ты знати
    Или родъ безвѣстенъ твой,—
    Ты къ больной, родимой рати
    Входишь ласковой сестрой,
Гдѣ отъ вражьяго порѣза
Кровь струилася ручьемъ,
Гдѣ входило въ грудь желѣзо,
Ты стоишь съ своимъ крестомъ.
    Свѣта блескъ, веселья звуки
    Ты сумѣла позабыть
    И изнѣженныя руки
    Въ раны тяжкія вложить.
Породила васъ невзгода,—
И богатыхъ, и простыхъ,
Всѣ вы—дочери народа,
Всѣ вы—сестры для своихъ...
    Эти раны—ваши раны,
    Эта кровь—и ваша кровь.
    На одинъ вы подвигъ званы,
    И у всѣхъ одна любовь.
Отъ жестокаго сосѣда
Мать Россію отобьемъ,
Будетъ русская побѣда
И съ желѣзомъ и съ крестомъ.
    Незнакомая, чужая,
    У походнаго одра,
    Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
    Милосердія сестра.

П. Вильде.

Пермск. Зем. Нед. 1914 г., № 17.

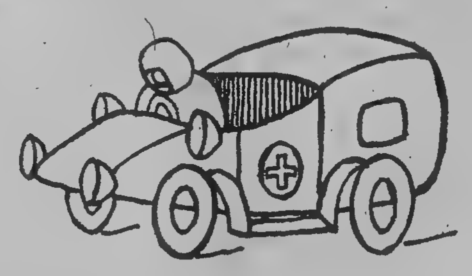

ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Ахъ, поправь, сестрица милая, повязку.
И прочти, сестрица дорогая, сказку.
Золотую сказку, о странѣ чудесной,
Гдѣ цвѣты да солнце, ясенъ сводъ небесный,
Гдѣ не знаютъ горя, нѣтъ вражды въ поминѣ,
Гдѣ любовь и дружба здравствуютъ понынѣ,
Гдѣ любовь и Бога люди не забыли,
Я усталъ, сестрица, отъ житейской были.
Ахъ, поправь, сестрица милая, повязку,
И прочти, сестрица дорогая, сказку.

Т. Щеголевъ.

Мартъ 1915 г., № 1.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕЛИСАВЕТА ѲЕОДОРОВНА.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

I.

Онъ раненъ былъ въ бою шрапнелью
И тихо, жалобно стоналъ,
Дѣтей малютокъ призывалъ,
Въ бреду метался по постели.
И дни, и ночи, до утра
Она надъ раненымъ сидѣла.
И съ лаской матери смотрѣла
Въ его печальные глаза.
Вотъ умеръ онъ... Она роднымъ
Послала вѣсточку о сметри:
«Васъ призывалъ онъ часто, дѣти,
Когда сидѣла я надъ нимъ»...

II.

Кто ты, ангелъ Богомъ данный?.
Съ крестомъ въ груди съ любовію святой
Идешь безъ страха прямо въ бой
За раненымъ и лѣчишь раны.
Кто ты? Скажи зачѣмъ сюда
Пришла, гдѣ кровь людская льется,
Гдѣ смерть торжественно смѣется...
Ты такъ нѣжна, такъ молода!
Вотъ гдѣ мечты твои святыя—
На полѣ брани, для больныхъ
Ты не щадишь ни силъ своихъ,
Ни жизни годы молодые.—
. . . .
И дни, и ночи, до утра
Сидишь надъ раненымъ. Солдаты
Тебѣ какъ Богу въ битвѣ рады...
Ты—милосердія сестра!...

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

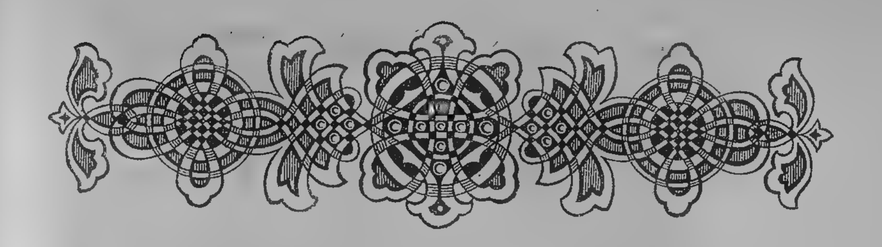
(Посвящается Л. А. М—вой).

Въ грудь тяжко поранен шрапнелью шальной,
Не зналъ я, что было потомъ
Очнувшись, склонился, смотрю, надо мной
Ликъ дѣвушки съ краснымъ крестомъ.
Я видѣлъ, въ сознанье порой приходя,
Какъ, чтобъ облегчить и помочь,
Она, отъ усталости еле ходя,
Безъ сна проводила всю ночь.
Свѣтились глаза, отягченные сномъ,
Огнемъ христіанской любви,
А крестъ, освѣщаемый тусклымъ огнемъ,
Чернѣлся, какъ сгустокъ крови.
Однажды, на этотъ на крестъ присмотрясь,
Какъ кажется мнѣ—неспроста,
Я думалъ, должна быть глубокая связь
Межъ кровью и цвѣтомъ креста.
Она говорила и видѣлъ я самъ
Что ей, съ ея кроткой любовью,
Больна была боль моя, кровь моихъ ранъ
Была ея собственной кровью.
И мыслью внезапной я былъ озаренъ,
И стало мнѣ ясно все это:
«Крестъ, кровію сердца ея обагренъ,
Сталъ яркаго алаго цвѣта»!

А. И. К.

17 янв. 1915 г.
Заря Трезвости 1915 г., № 7.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Съ улыбкой кроткою, хоть ты для всѣхъ чужая,
Стоишь, здѣсь, надъ больнымъ, у лазаретнаго одра,
Но сердцемъ и душой для воиновъ родная,
И всѣмъ желанная... Ты—милосердія сестра!..
И жизни яркій блескъ, веселья шумъ и звуки,
На полѣ брани ты сумѣла позабыть
И свѣтской праздностью изнѣженныя руки
Ты въ язвы гнойныя не брезгаешь вложить...
И тамъ, случайно, гдѣ отъ вражьяго порѣза
Изъ раны льется кровь, въ порывѣ ты святомъ,
Иль гдѣ пронзило грудь холодное желѣзо,—
На помощь всѣмъ спѣшишь, съ повязкой и бинтомъ...
Здѣсь много васъ, сестеръ. На подвигъ состраданья
Васъ привлекли сюда и жалость и любовь...
Чтобъ облегчать людямъ ихъ жгучія страданья,
Чтобъ смыть въ борьбѣ съ врагомъ струящуюся кровь...
Устали, правда, вы... Измученныя складки—
Легли среди заботъ на блѣдный томный ликъ...
Но подвигъ сей любви, мучительный и сладкій,
Такъ дорогъ онъ для васъ и трудъ сестры—великъ!..
И за любовь къ людямъ, Россіи рать святая,
За то, что съ полночи томиться до утра,—
До гробовой доски въ душѣ благословляя,—
Не сможетъ васъ забыть святая Русь.. Ты—милосердія сестра.

(«Величіе и слава Россіи»).

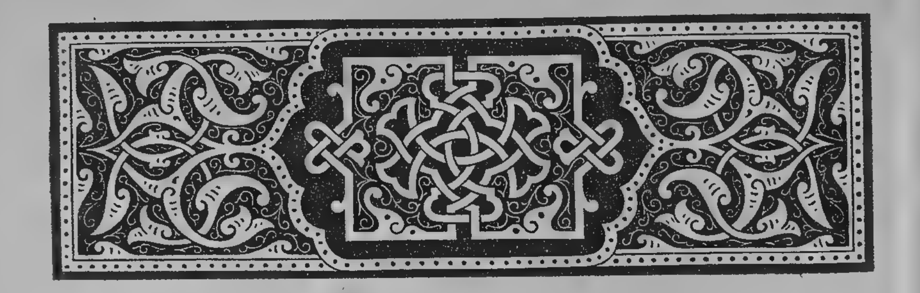

МИЛОСЕРДНАЯ СЕСТРА.

Бой кипитъ, свистятъ гранаты,
Ядра носятся кругомъ,
Офицеры и солдаты
Бьются доблестно съ врагомъ.
Пули сыплютъ частымъ градомъ,
Кровью залиты поля,
Штыкъ работаетъ съ прикладомъ,
Непріятелей валя.
И въ разгаръ борьбы кровавой
Каждый думаетъ одно:
Побѣдить, иль пасть со славой
Въ этомъ дѣлѣ намъ должно.
Громъ такой,—не слышно рѣчи,..
Кровь струится какъ вода,—
Отъ снарядовъ и картечи
Не укрыться никуда.
Все слилося въ вихрѣ боя
И ура и тяжкій стонъ,—
Для солдатика-героя
Смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Вотъ въ тылу кровавой свары
Подъ лѣсочкомъ у костра
Появились санитары,
Съ ними докторъ и сестра.

У солдатъ сіяютъ лица,
Измѣнился скорбный видъ,—
Всюду добрая сестрица
Помогаетъ и бодритъ.
Здѣсь солдата перевяжетъ,
Тамъ страдальца напоитъ,
Гдѣ участья слово скажетъ,
Иль улыбкой ободритъ.
Вотъ въ походномъ лазаретѣ,
Чуть виднѣясь въ полутьмѣ,
Примостясь на табуретѣ,
Упражняется въ письмѣ.
Здѣсь въ обители страданья,
Кроткой жалости полна,
Пишетъ нѣжное посланье
Дѣтямъ воина она.
Гдѣ солдатъ участья проситъ,
Тамъ отзывчива, добра,
Помощь скорую приноситъ
Милосердная сестра.
Велика ея заслуга,
Той заслугѣ нѣтъ цѣны,—
Непріятеля и друга
Ей страданія больны.
Всюду славно прогремѣла
Эта женщина-герой,
И зовутъ ее за дѣло
Милосердною сестрой.

С Е С Т Р А.

(Изъ цикла «Война»).

Въ тѣ дни, когда весь міръ объятъ грозою,
Когда пришла великая пора,—
Во весь свой ростъ встаешь ты предъ страною,
О, русская подвижница сестра!
Я вижу вновь твой образъ грустно-блѣдный,
И красный крестъ я вижу на груди...
Да, знаешь ты, что ждетъ тебя твой бѣдный
Страдалецъ-братъ... Иди къ нему, иди!
И ты идешь. Святой любви зарница
Въ твоихъ глазахъ восторженно блеститъ,
И слабый стонъ солдатика: «Сестрица!»
Издалека вновь для тебя звучитъ.
О немъ твои священныя заботы,
О немъ твоя глубокая тоска...
Ты съ нимъ брала Балканскія высоты,
Ты шла за нимъ подъ стѣны Рущука.
Съ тобой война весь ужасъ свой теряла,
Смолкали громы пушечныхъ угрозъ.
Какъ много ранъ ты тамъ уврачевала
И осушила сколько горькихъ слезъ!
И вотъ теперь опять тебя призвали,
Опять, сестра, страдальцы ждутъ тебя,
Опять полна невольной ты печали,
И вновь спѣшишь, страдая и любя!

Въ тебѣ опять кипитъ благая сила,
Ты та-же все, какой была всегда,
Ты мирный кровъ безропотно смѣнила
На дни борьбы, лишеній и труда!
Вѣдь, тамъ, вдали, въ военномъ лазаретѣ
Лежатъ они, въ мученьяхъ и въ бреду,
Зовутъ тебя, безпомощны, какъ дѣти,
И слышатъ кроткій голосъ твой: «Иду!»
Ты къ нимъ слетишь, какъ ангелъ въ маркѣ ночи,
Ты подойдешь, какъ любящая мать,
Заглянешь въ ихъ страдальческія очи,
И радость жизни вспыхнетъ въ нихъ опять.
Да ниспошлетъ тебѣ Господь терпѣнья,
И силы дастъ свой тредный крестъ нести.
Пусть ждутъ тебя жестокія лишенья,
Пусть ждутъ тебя тревоги на пути—
Ты черезъ все пройдешь легко и смѣло,
Все побѣдитъ великая любовь,
И ты свершишь свое святое дѣло
Тамъ, гдѣ теперь рѣкой струится кровь,
Весь міръ въ огнѣ. Зловѣще это пламя!
Дни испытаній, тяжкая пора...
И ты опять высоко держишь знамя,
О, русская подвижница-сестра!..

Родіонъ Менделевичъ.

Сѣв. Утро 1914 г., № 194.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Она была всегда задумчива, грустна,
Какъ муза скорбная умершаго поэта,
Какъ въ небо дальнее влюбленная волна,
Тоской томимая, не знавшая отвѣта.
Она была всегда мечтательно-прекрасна;
Съ улыбкой блѣдною и съ тайною очей,
Какъ мимолетный сонъ—томительна и страстна,
Какъ дивный сонъ весны—въ дыханіи ночей.
Любила музыку... И вотъ, когда война
Стремилась утопить въ крови цвѣты искусства,
Безъ долгихъ грезъ и думъ спокойна, чуть блѣдна
Ушла къ страдающимъ рабой святого чувства.
Ушла туда, гдѣ смерть, гдѣ царство суеты,
Гдѣ гибнутъ лучшіе, гдѣ гибнутъ молодые,
И понесла съ собой улыбки и цвѣты,
Оставивши для нихъ семью, поля родныя...
За нѣжную любовь, за подвигъ твой святой,
За ночи страстныя, за тайное мученье
О, благородная, съ великою душой,
За все, за все—прими благословенье!..

И—доръ Ромено.

Таганрогскій Вѣстникъ 1914 г., № 286.

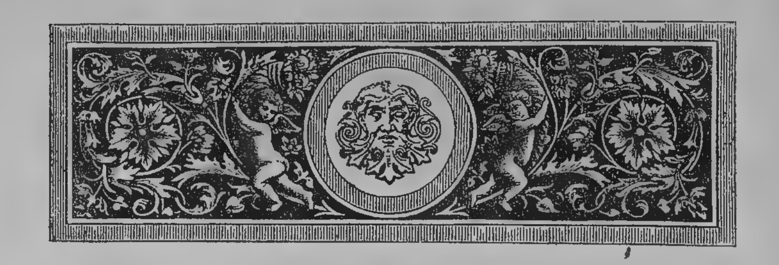
СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Спѣши на подвигъ свой, спѣши!
Неси туда, гдѣ адъ сраженья,
Святой огонь своей души:
И милосердье, и терпѣнье!
О, какъ отрадно усладить
Герою съ жизнью разставанье
Иль хоть немного облегчить
Его жестокія страданья;
Къ его запекшимся устамъ
Поднесть питье и бредъ разсѣять...
Забывъ про отдыхъ, по ночамъ
Страдальца краткій сонъ лелѣять...
Всѣ силы, жизнь свою и кровь
Отчизнѣ жертвуютъ солдаты...
Всю нѣжность, кротость и любовь,
Чѣмъ сердце женское богато.
Взамѣнъ имъ дай!.. И, ихъ согрѣй,
Какъ только мать родная можетъ,
Заботой, лаской своей,
И самъ Христосъ тебѣ поможетъ!
Пройдетъ гроза... И жизнь пройдетъ...
Не станетъ тѣхъ, другіе будутъ...
Но подвигъ свѣтлый не умретъ:
О немъ потомки не забудутъ...
И въ часъ, какъ Богу дастъ отчетъ
Душа и добрая, и злая,
Не въ рай-ли прямо путь найдетъ
Самоотверженность святая?!..

Надежда Нарбекова.

Двуглав. Орелъ 1914 г., № 197.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

(Изъ современныхъ настроеній).

Сверкнулъ огонь кровавой битвы,
На подвигъ вышла ты святой,
Творя горячія молитвы...
Въ глазахъ съ великою тоской.

* * *

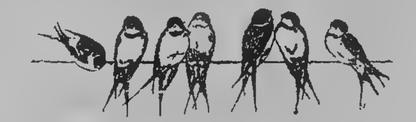
Ласкаешь кроткими очами
И наклоняешь гибкій станъ,
Касаясь нѣжными руками—
До воспаленно-жгучихъ ранъ...

* * *

И утоляя «тамъ» страданья,
Съ улыбкой чуткой на устахъ...
Подъ грохотъ пушекъ и стенанья,
Идешь въ тоскующихъ мечтахъ.

Евгеній Третьяковъ.

Сѣв. Как. 1914 г., № 1037.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Со знакомъ креста на груди,
Исполнясь святой благодати,
Проходитъ она позади
Воюющей доблестной рати.
Ей смерть среди пуль не страшна,
Близки ей страдальцевъ мученья,
И всюду свершаетъ она
Примѣры святого служенья.
Съ любовью къ герою идетъ
И ранамъ даетъ облегченье
И тихой улыбкой несетъ
Ему отъ страданій забвенье.
И образъ героя-жены
Для всѣхъ лучезарно сіяетъ
И въ ужасахъ грозныхъ войны
Героевъ-мужей утѣшаетъ.

С. Толстовъ.

Полт. Вѣстникъ 1914 г., № 3524.

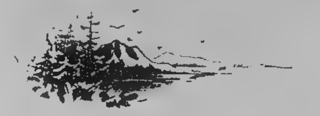

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Туда, на западъ, къ полю битвы
Стремлюсь я сердцемъ и душой.
Услышь, Господь, мои молитвы,
Дай силъ на подвигъ роковой.
На мѣсто то, гдѣ льется кровь,
Гдѣ братъ на брата поднялъ руку—
Меня влечетъ моя любовь,
Влечетъ на подвигъ и на муку.
Благослови-жъ мой путь, Христосъ,
Мой трудный путь благослови,
Безъ слезъ иду я къ морю слезъ
Съ завѣтнымъ факеломъ любви, Благослови!
Я не на бой иду—о, нѣтъ!
Души врага я не сгублю.
Меня влечетъ не громъ побѣдъ,
Мой духъ корыстью не согрѣтъ, но я люблю!
Люблю весь міръ, людей люблю
Спасать отъ смерти ихъ въ бою,
Отдать имъ молодость свою
И повторять слова любви—Благослови!

Л. Исаковъ.

Оренб. газета 1914 г., № 200.

На помощь, женщина-сестра!
На помощь къ раненымъ увѣчнымъ!
Иди съ терпѣніемъ безконечнымъ,
На милосердный путь добра!

Любовью муки облегчай;—
Какъ мать, сконившись къ изголовью,
Уста, запекшіяся кровью,
Съ участіемъ кроткимъ освѣжай.

Того-жъ, кто въ полѣ грозныхъ битвъ
Геройски встрѣтилъ смерть средь боя,
Почти горячею слезою,
Отдай ему тепло молитвъ!

У ложа скорби—будь бодра,
И все души благоуханье
Неси туда, гдѣ вопль страданья
Тебя зоветъ: «приди сестра»!

Русская Женщина.

Двугл. Орелъ 1914 г., № 172.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

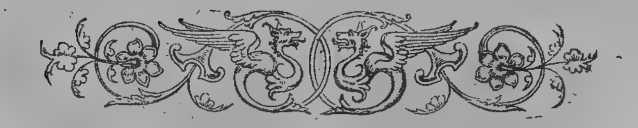
(Посвящаю Нинѣ и В.).

Въ глазахъ твоихъ радости свѣтлой сіяніе,
Въ душѣ много вѣры, надежды, любви.
Та радость о томъ, что людское страданье
И горе утѣшать стремленья твои.
Твои утомленныя, нѣжныя руки
И ласково-нѣжный твой взглядъ молодой
Исцѣлять и боли, и тяжкія муки,
Душѣ изнуренной навѣютъ покой.
Сестра милосердья! Какое святое,
Великое чувство на подвигъ ведетъ
Твое беззавѣтное и молодое,
Прекрасное сердце въ долину заботъ?..
Подъ грознымъ, зловѣщимъ и смертнымъ дыханьемъ
Ты братьямъ на помощь съ любовью иди,
И свѣтлой надежды лучистымъ сіяньемъ
Для страждущихъ блещетъ твой крестъ на груди.

Александръ Перегудовъ.

Голосъ русскаго 1914 г., № 28—29.

ПОСЛѢДНІЙ ПРИВѢТЪ.

Предъ образомъ, тихо мерцая,
Средь мрака, лампада горитъ.
На койкѣ, жестоко страдая,
Сраженный солдатикъ лежитъ.
  Съ нимъ рядомъ, въ простомъ одѣяньѣ,
  Сестра милосердья сидитъ,
  И въ строго тревожномъ молчаньѣ
  На воина съ лаской глядитъ.
Онъ шепчетъ съ тоскою глубокой:
«Сестрица, голубка моя!
Въ деревнѣ отсюда далекой
Осталася мать у меня.
  Снеси ты ей, старицѣ милой,
  Отъ сына послѣдній привѣтъ,
  Скажи ей, что взятъ онъ могилой,
  Скажи, что его уже нѣтъ.
Скажи ей, что память святую
О ней и въ бою онъ хранилъ,
Скажи ей, что жизнь молодую
За Русь и Царя онъ сложилъ.
  Скажи ей...», но шопотъ порвался,
  Страдалецъ вдругъ весь изнемогъ,
  И вотъ среди ночи раздался
  Послѣдній, мучительный вздохъ.
Сестра ему очи закрыла,
Съ любовью склонившись предъ нимъ,
И тихо его осѣнила
Крестомъ животворнымъ святымъ.
  А тамъ, на горахъ, бой кровавый
  На мигъ не смолкалъ и огнемъ,
  Зловѣщимъ огнемъ все пылало,
  И стоны носились кругомъ.

Ек. Балясникова.

Душевн. Собесѣдованія 1915 г., № 11.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Тебя давно узнали въ мірѣ,
Не новъ твой подвигъ на войнѣ,
Гдѣ жадно смерть на бранномъ пирѣ
Въ дыму пороховомъ, въ огнѣ,
Косою острой жизни коситъ,
Не зная жалости на мигъ...
Но вѣрь: и смерть тревожно проситъ:
« А много ли «враговъ» моихъ
У русскихъ, въ ихъ желѣзномъ станѣ,—
Безвѣстныхъ труженицъ съ крестомъ?»
Недаромъ женщинѣ чтутъ славяне:
Въ ихъ сердцѣ нѣжномъ и простомъ
Порой такая скрыта сила,
Такая вѣра въ небеса,
Что смерть—хоть руку заносила,
Но жертвъ не трогала коса!!.
Да! Тамъ, гдѣ русская «сестрица»,
И смерть должна склонить чело!

Тамъ—тише боль, спокойнѣй лица,
Въ душѣ у раненыхъ свѣтло!
Спѣши на подвигъ вновь, родная,
Желанный, вѣрный другъ солдатъ!
Пусть рана—тяжкая, больная,
Пусть не забытъ кромѣшный адъ,
И пусть во взорѣ у солдата
Картина боя такъ жива—
Коснись кровавой язвы брата,
Тверди любовныя слова,—
Воспрянетъ русскій духъ могучій,
И смерть безстрастный взоръ смягчитъ!!
Спѣши, сестра! Твой трудъ кипучій
Солдатъ-страдалецъ облегчитъ!..
А мы—готовы всѣ молиться,
За новый подвигъ твой!! Иди!
Россіи помоги, сестрица,
Крестомъ на платьѣ и въ груди.

Н. С. С.

Старообр. Мысль 1914 г., № 10.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Помнишь, ребенкомъ птичку больную
Какъ ты лѣчила, святая душа?..
Рану промоешь, вату иную
Къ ножкѣ приложишь, сестра?!
Помнишь, смѣялись тогда надъ тобою?!.
Времени много прошло съ той поры!..
Ты же намѣченный шла все стезею...
Время настало войны...
Ты безъ раздумья ушла на чужбину.
Гдѣ то теперь ты, святая сестра?!
Пуля-ль врага уложила въ могилу,
Пышно-ль, какъ прежде, цвѣтешь средь добра?..
Часто тебя я, сестра, вспоминаю,
Часто молюсь за тебя...
Гдѣ ты—не знаю. Одно только знаю:
Гдѣ-бъ ни была ты—тамъ много добра!..

Свящ. *А. М.*

Подолія 1914 г., № 122.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

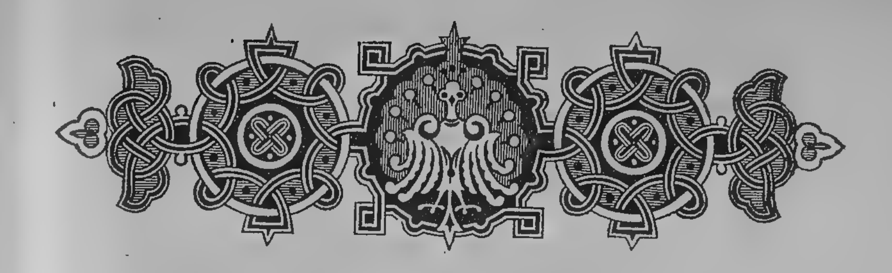
Родная дочь великаго народа,
Ты словно рождена для горя и невзгодъ,
Но не убьютъ въ тебѣ ни горе, ни невзгоды,
Движенья смѣлаго къ Страданію впередъ...
Ударъ Судьбы встрѣчаешь грудью смѣло—
Не падая подъ нимъ, и не страшась ихъ вновь...
И твой девизъ: забыть себя всецѣло...
И твой пороль: къ страдающимъ любовь...
Гдѣ боль и скорбь гнѣздо свое свиваютъ,
Гдѣ слезы жгучія сжигаютъ грудь собой,
Гдѣ въ мукахъ и крови безстрашно умираютъ
Тамъ твой великій постъ подвижницы святой...
О жены русскія! Великая Россія
Навѣки сохранитъ святыя имена...
И вѣчно будетъ жить Волконская Марія,
И не изгладится изъ памяти она...
Отважная жена, безъ стона колебанья
Презрѣвшая уютъ и свой родимый домъ,
Сказавшая—«Иду!»—на призывъ состраданья,
Она не умерла... Она всегда кругомъ...
...Вглядитесь... Видите... Вотъ любящей рукою
...Она отерла съ глазъ страданія слезу,
...И, нѣжно наклонясь къ защитнику герою,
...Коснулась ранъ его въ военную грозу...

...Вотъ отъ зари и до глубокой ночи
...Сидитъ она согнувшись за шитьемъ
...Для раненыхъ... И, словно звѣзды, очи
...Ея горятъ любви святымъ огнемъ...
...Вотъ подъ ненастьемъ, свой покой презрѣвши,
...Стучится въ дверь она за лептою святой...
...И лепту бережно, слезой любви согрѣвши,
...Несетъ защитникамъ своей страны родной...
И чѣмъ грознѣй объято небо тучей,
Сулящей родинѣ военный, страшный громъ,
Тѣмъ больше въ ней любви, и тѣмъ она могучѣй,
И тѣмъ скорѣй она покинетъ мирный домъ.
И позабывъ себя, отдавъ себя всецѣло,
Страданья личныя сумѣя превозмочь,
Услышитъ общій стонъ и отзовется смѣло
На призывъ родины ея родная дочь...

Станислава Глинская.

Верхнеднѣпр. Земск. Лист. 1914 г., № 42.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

Онъ раненъ на вылетъ пулею въ грудь,
Лежитъ въ госпиталѣ въ жару безъ сознанья,
И стонетъ отъ боли, когда хочетъ вздохнуть,
Въ лицѣ отпечатокъ борьбы и страданья.
Сидитъ наклоняся къ его изголовью
Сестра милосердная; доброй рукой
Смѣняетъ повязку, залитую кровью,
И вся отдалася работѣ святой.
Глаза онъ открылъ и приходитъ въ сознанье
И шепчетъ: «Скажи, дорогая сестра,
На жизнь нѣтъ надежды? Ужасны страданья,
Я знаю, что рана смертельна моя;
Ты просьбу исполни, сестра дорогая,
Ту просьбу моей наболѣвшей души.
На родинѣ мать у меня есть больная,
Такъ ей отъ меня ты письмо напиши.
Я-бъ самъ написалъ, но руки ослабли
И ихъ не могу я поднять и согнуть,
Отъ боли свело мои пальцы, какъ грабли,
Тяжелымъ свинцомъ налита моя грудь.
Пиши ты ей: «Мама, я долгъ свой исполнилъ,
Я жизнь свою отдалъ за родину мать,
До самой я смерти слова твои помнилъ,
Когда на войну ты пришла провожать,
Сказала, что грустно со мною разстаться,
Что будешь ты плакать, въ разлукѣ страдать,
Но помни, мой сынъ, что идешь ты сражаться
За вѣру, Царя и за Родину Мать.

Свой подвигъ исполни достойно и свято!
Пусть Родинѣ славой смерть будетъ твоя,
Чтобы въ жизни моей на гр ни заката,
За сына позорная тѣнь не легла.
И помни отца въ его славной кончинѣ.
Жизнь тоже отдалъ онъ за Родину мать...
О, будь же покойна ты, мама, о сынѣ,
Вотъ сынъ твой съумѣлъ твое слово сдержать.
Грудь съ грудью сходился въ бою я съ врагами
И много легло ихъ отъ моей руки.
Шли грозно въ атаку съ стальными штыками,
Мы ихъ разбивали, и гнали полки.
Святое хранило меня Провидѣнье,
За храбрость Георгія я получилъ,
Подъ Лодзью въ жестокомъ упорномъ сраженьи
Я раненъ на вылетъ въ грудь пулею былъ.
Теперь, умирая, лежу въ госпиталѣ...
О, мама, я скоро въ міръ лучшій уйду,
Ужъ смерти туманы мнѣ очи застлали...
А крестъ тебѣ въ память о сынѣ я шлю.
Достойною смертью умру я героя,
За Родину мать свою жизнь я принесъ,
Счастливый иду я въ отчизну покоя,
Гдѣ нѣтъ ни страданій, ни горя, ни слезъ».

Ив. Тутовъ.

Заря Трезвости 1915 г., № 23.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Смѣлая, ловкая, съ ясной душою,
Съ доброй улыбкою въ краткихъ очахъ,
Свѣтъ и тепло ты приносишь съ собою,
Ласка звучитъ въ твоихъ тихихъ рѣчахъ.

Ты съ одинаковой братской любовью
Всѣмъ, кто страдаетъ, готова помочь...
Часто бываетъ склонясь къ изголовью,
Ты надъ больнымъ продежуришь всю ночь.

Тихой, неслышною тѣнью обходишь
Ты ежедневно палату вокругъ;
То къ одному, то къ другому подходишь...
Всѣ тебѣ рады, ты каждому другъ.

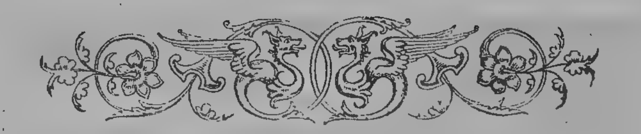
Здѣсь ты подушку поправишь умѣло,
Тамъ перевяжешь ты рану бинтомъ,—
Вѣчно хлопочешь, всегда ты у дѣла,
Словно и отдыхъ тебѣ незнакомъ.

Ты никакой ни боишься работы,
Лишь бы помочь пострадавшимъ въ борьбѣ...
Вѣрь же, что Богомъ за эти заботы
Во сто кратъ больше воздастся тебѣ.

Е. Квятковская.

Гатчин. 1915 г., № 1.

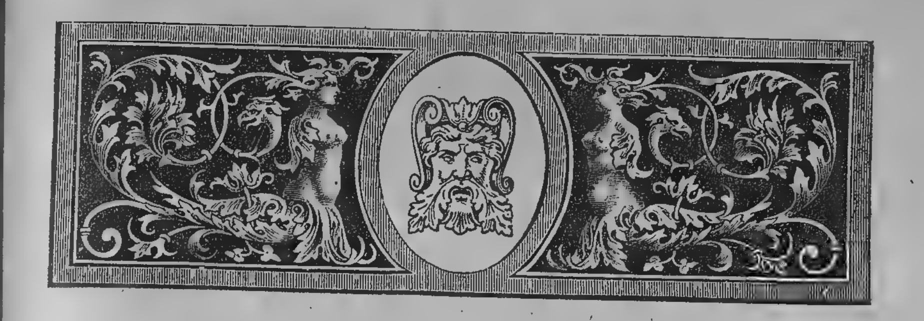

ВЪ ПОЛЕВОМЪ ЛАЗАРЕТѢ.

— Сестрица, дайте пить... Мнѣ что-то жжетъ въ груди...
Я знаю это—смерть... Не надо утѣшеній...
Что? Молодъ я? И жизнь вся впереди?
Кто это говоритъ? Сестрица? Безъ сомнѣній,
Я жить хочу... Зачѣмъ напрасно лгать!
О, въ двадцать лѣтъ все кажется прекраснымъ,
О, въ двадцать лѣтъ жизнь—это благодать...
Но я умру... Я раненъ вѣдь... Опасно...
Я помню: ночь была. Бродили мы въ лѣсу,
Добрались въ темнотѣ до топкаго болота...
Я помню, какъ одинъ со знаменемъ въ рукахъ
И съ саблей наголо стоялъ, какъ изваянье...
Я ринулся къ нему, презрѣвъ опасность, страхъ,
И врагъ упалъ безъ крика, безъ стенанья...
Я знамя выхватилъ, но тотчасъ былъ сраженъ
Какъ будто саблею, навѣрное не знаю...
Вдругъ видимъ свѣтлую, какъ солнце полосу
Прожектора... И затаилась рота...
И ожилъ лѣсъ... Ружейной трескотней
Наполнилась мгновенно вся дубрава...
Мнѣ душно... больно... пить! О Боже, Боже мой!
Какъ будто въ грудь влита клокочущая лава.
Я помню, какъ сквозь сонъ, большой отрядъ мадьяръ...
Они, какъ демоны, внезапно налетѣли...
Мы бились храбро всѣ... И вражескихъ гусаръ,
Хоть было много ихъ,—разбили, одолѣли...
Потомъ смѣшалось все. Какой-то шумъ и звонъ...
Огонь въ груди... И вотъ, я умираю...
Но въ сердцѣ благостно, хоть умираю, я
Хоть грудь моя вся полымемъ объята.
О, родина любимая моя,
Я честно выполнилъ мой скромный долгъ солдата...

Лидія Чарская.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Сестра! твой трудъ—святой, великій.
Гдѣ жизнь и смерть играютъ въ прятки,
Устала ты. На блѣдный ликъ твой
Легли измученныя складки.
Успѣть все надо поскорѣй—
Кто хочетъ встать, кто пить попроситъ.
Едва усѣлась отдохнуть,
Какъ новыхъ раненыхъ приносятъ,
На мигъ утихнетъ лазаретъ,
Когда сойдутъ ночныя тѣни.
Но лишь забрезжитъ новый свѣтъ,
Ты вновь въ тревогѣ и движеньи,
Вѣдь нужно всѣхъ перевязать
И духомъ павшихъ ободрять.

Егоровъ.

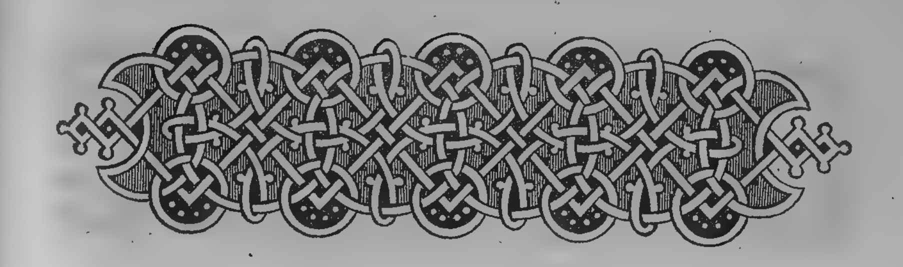

ОДНОЙ ИЗЪ НИХЪ.

Я помню васъ въ нарядномъ залѣ
Съ осенней розой на груди.
Вы улыбнулись и сказали:
— Вся радость въ жизни впереди.
И, не боясь ея ошибокъ,
Вы ждали трепетно чудесъ,
Земли восторженныхъ улыбокъ,—
Улыбкамъ утреннихъ небесъ!
Въ глзахъ какъ будто удивленныхъ—
О принцѣ тайная мечта.
И шопотъ дѣвушекъ влюбленныхъ,
Повѣсѣ встрѣчному: Я—та!
И вальса нервныя объятья,
И пошлость будничная фразъ,
И шелестъ шелковаго платья,
Какъ чудо радовали васъ!
Но годы шли—и затянули
Въ тугую петлю кружева.
И васъ, какъ многихъ, обманули
И вальсъ, и розы, и слова!..
Сегодня встрѣтясь на вокзалѣ,
Я крестъ замѣтилъ на груди.
Вы улыбнулись и сказали:
— Я вѣрю, радость впереди!
«Въ прощанья тягостнаго шопотъ,
Вмѣшался властно паровозъ...
Убьетъ ли сердце новый опытъ?
Вернется ль запахъ прежнихъ розъ?
Пускай же свѣтлый принцъ предстанетъ
Предъ взоромъ чающихъ невѣстъ!
И свѣтлый принцъ ихъ не обманетъ,
Какъ не обманетъ алый крестъ!..

Аминадъ.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Я странница... Пусти меня, пусти...
Здѣсь слишкомъ все и мирно, и прекрасно,
И солнце здѣсь вечернее такъ ясно,
Что тяжко мнѣ днямъ жизни счетъ вести.
Моей душѣ здѣсь тѣсно и докучно.
Ей бури хочется, ей хочется громовъ,
И душно ей подъ кровлею домовъ,
Гдѣ жизнь течетъ такъ скупо—однозвучно.
Я видѣлъ сегодня раннимъ днемъ,
Какъ солнце розы бѣлыя голубитъ,
А тамъ, гдѣ врагъ родныя жизни губитъ,
Тамъ розы алыя взростаютъ подъ огнемъ.
Тѣмъ розамъ—вся любовь, всѣ утѣшенья
И все терпѣніе, какое есть въ груди.
Я странница... Пусти, меня пусти
Героямъ родины великой на служенье.

Елена Ѳедотова.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Идетъ побѣдно смерть, въ сраженьяхъ губитъ людей,
И ширится судьбы печальный благовѣстъ!..
Въ бою подъ градомъ пуль, подъ грозный ревъ орудій
Безстрашно ты несешь любви своей алый крестъ.
Тебя не тронетъ смерть, съ тобою небожитель,
Сестра страданья, святя красота!
Горитъ въ тебѣ любовь—свѣтла ея обитель,
Тебя она хранитъ подъ знаменемъ креста.

Іосифъ Калинниковъ.

Э Л Е Г І Я.

Умерла моя дѣтка въ страдѣ боевой,
Милосердія дѣло свершая;
Сражена, какъ былинка, злодѣйской рукой,—
Спитъ теперь моя дѣтка родная.

Умерла моя дѣтка, какъ дикій цвѣтокъ—
Отъ родимыхъ полей унесенный;
Умерла... я остался теперь одинокъ,
Этимъ горемъ на смерть пораженный.

Умерла моя дѣтка... навѣки умолкъ
Ея голосъ и глазки закрылись.
Умерла, какъ оторванный бурей листокъ.—
Солнце жизни моей закатилось...

Умерла моя дѣтка осенней порой,
Молодой, какъ царица—Весна,
И теперь я томимъ безысходной тоской,
Ожидаю самъ вѣчнаго сна.

Умерла... кто слезинку проронитъ теперь,
Къ изголовью склонится съ тоскою?
Коль костлявая смерть постучитъ ко мнѣ въ дверь
Своей властной, холодной рукою.

Умерла!.. кто теперь припадетъ головою,
— Съ нѣжной лаской склонится на грудь?
Кто глаза мнѣ закроетъ любящей рукою,
Провожая въ невѣдомый путь?

Умерла!.. кто ко мнѣ на могилу придетъ,
Подъ землей когда буду я спать?
Кто вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣтовъ принесетъ,
Кто... кто будетъ меня вспоминать!

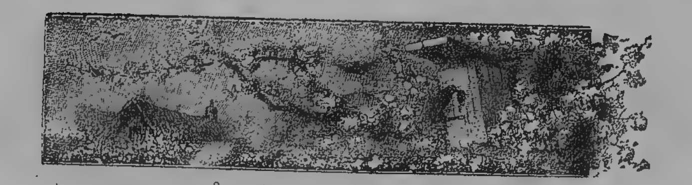
О, приди же, родная!.. изъ царства тѣней
Легкимъ призракомъ ты прилети!
Прилети, и тоску мою злую развѣй,
Дай покой мнѣ душевный найти...

О, желанная смерть! приходи-же скорѣй;
Дай забыться въ могилѣ сырой!
Можетъ быть тогда встрѣчусь я съ дѣткой своей
Въ лучшемъ мірѣ, странѣ золотой...

Аркадій Островскій.

Донск. Курьеръ 1915 г. № 8.

НА МОГИЛѢ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

(Изъ Русско-Германской войны).

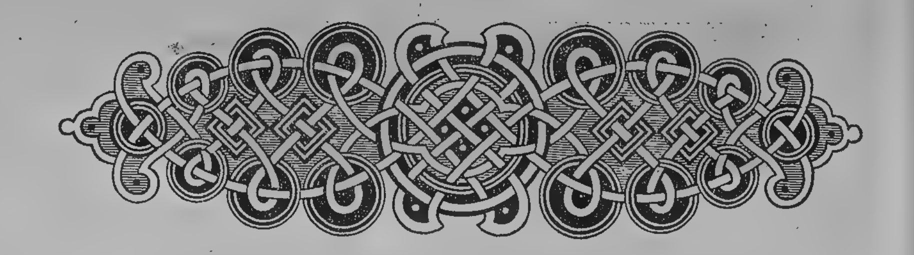
Была и—нѣтъ!.. исчезла безвозвратно
Куда-то въ путь въ далекій край,
Какъ тучка сѣрая въ лазури необъятной—
Въ цвѣтущій милый май...
Была и—нѣтъ!.. одни воспоминанья
Въ душѣ остались у меня
О ней—моей сестрѣ и о ея страданьяхъ
На линіи огня...
Была и—нѣтъ!.. какъ ангелъ молчаливый,
Подъ свистъ шрапнелей и гранатъ
Она бросала взглядъ ласкающе-тоскливый
На раненыхъ солдатъ...
Была и—нѣтъ!.. послѣднія мгновенья
У умирающихъ она
Переживала тамъ съ словами утѣшенья,
Безъ отдыха и сна...
Была и—нѣтъ!.. Бывало, помню, клала
Мнѣ льду на страждущую грудь,
Пробиту пулею, и ласково шептала:
«Заснуть пора... заснуть!..
. . . .
Была и—нѣтъ!.. шрапнель ее сразила,—
Призвалъ къ себѣ сестрицу Богъ,
Вотъ здѣсь!.. и надъ ея безвременной могилой
Душой я изнемогъ!
Была и—нѣтъ!.. но вѣрится, что съ нею
Въ иномъ міру увижусь я...
Тогда промолвитъ мнѣ она еще нѣжнѣе:
«Съ тобой—сестра твоя!»

Крестьянинъ *Н. И. Стюнинъ.*

Воинъ и пахарь 1914 г., № 48.

6

УБИТОЙ СЕСТРѢ.

Ты убита?!.. Ты, славная, нѣжная,
Пала жертвой великой любви,
И залита волною крови
Вся одежда твоя бѣлоснѣжная.
И глаза твои кротко-лучистые
Не глядятъ на страданья людей...
Спи же, ангелъ-утѣшитель, чистая
Отдохни отъ работы своей!

Григорій Овсѣенко.

Полночь 1915 г., № 7.

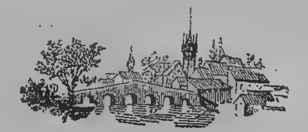

«СЕСТРѢ».

Ты порывомъ святыхъ вдохновеній
Вѣрой въ правду и счастье жила,
Идеаломъ высокихъ стремленій
Вся проникнута съ дѣтства была.
И, кипѣвшая братской любовью,
Ты несла терпѣливо свой крестъ;
На поля, обагренныя кровью,
Шла, сіяя, какъ ангелъ небесъ.
И дыханье холодное смерти
Никогда не страшило тебя,
Лишь бы полная славы и чести
Дорогая отчизна жила.
... Грохотъ, взрывы: земля трепетала...
Но, какъ роза подъ вешней грозой,
Ты, не дрогнувъ, бинты налагала,
Когда смерти рвались надъ тобой.
Но теперь, не страшась укоризны,
Подъ жестокимъ ударомъ судьбы,
Прахомъ пала во славу отчизны
Съ сердцемъ, полнымъ священной любви.
Пусть истлѣетъ твой прахъ на чужбинѣ,
На могилѣ бурьяны растутъ,
Но изъ памяти славное имя
Боевые мечи не сотрутъ.

Павелъ Булатовъ.

Народн. Газ. 1915 г., № 37.

ПАМЯТИ РИММЫ МИХАЙЛОВНЫ ИВАНОВОЙ.

Подъ адскій шумъ и визгъ носилась смерть надъ боемъ,
Ища все новыхъ жертвъ; рѣкой струилась кровь,
Стонъ, крики и «ура» сплошнымъ сливались воемъ
И тихо по полю святая шла Любовь.
Шла женщина безъ страха и сомнѣнья,
Склоняясь къ страждущимъ и нѣжною рукой
Спѣшила облегчить великія мученья,
Иль лаской проводить страдальца на покой.
— «Сестра! Опасно здѣсь, уйдите!»—пробѣгая
Въ атаку на окопъ, ей ротный прокричалъ
И тутъ же, въ воздухѣ, за грудь себя хватая,
Перевернулся разъ—и, вытянувшись, палъ.
Смутилась рота, дрогнула, какъ стадо,
Вдругъ потерявшая нежданно вожака,
И оглянулась вспять... «Друзья! Робѣть не надо!»—
И заградила путь имъ женская рука.
— «За матушку, за Русь, впередъ за мной!»—и смѣло,
Забывъ себя и смерти страхъ презрѣвъ,
Сестра летитъ, подставивъ пулямъ тѣло,
Солдаты вслѣдъ за ней, и каждый—грозный левъ!
Свирѣпымъ, бурнымъ штыковымъ ударомъ
Истерли въ прахъ, расплющили врага.
Окопъ былъ взятъ, но взятъ онъ былъ не даромъ.
Лежала женщина спокойна и строга,
Казалось, слышались ей пѣсни райской звуки
И въ небо устремленъ незрячій взглядъ очей,
Солдатъ рыдающихъ мозолистыя руки
Съ глубокой нѣжностью закрыли вѣки ей...

Гемма.

Унтеръ-Офицеръ № 132.

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

Ты сражена грозой безумной битвы:
Жизнь теплится еще, но плоть почти мертва,—
И блѣдныя уста твердятъ слова молитвы,
Ея великія, нетлѣнныя слова...

Вся жизнь твоя прошла среди страданій,
Какъ свѣтлый лучъ, прекрасна и чиста,
Смежала очи ты подчасъ среди рыданій
Людей, согнувшихся подъ тяжестью креста...

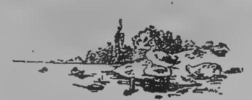
Но часъ насталъ,—и грянулъ бой далекій,
Средь испытаній, горя и труда,—
И запылалъ въ тебѣ порывъ души высокой:
Скорѣй спѣшить, бѣжать скорѣй туда!

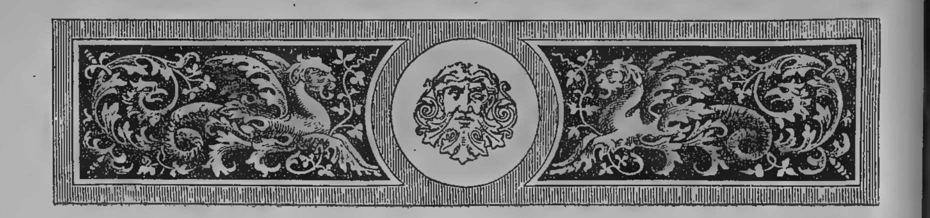
Какъ тяжело сознанье, что далеко
Ты отъ войны, отъ витязей родныхъ;
Зато ты счастливъ радостью глубокой,
Что ты душой и сердцемъ близко нихъ!..

Какъ славенъ тотъ, кто тамъ, на полѣ битвы,
Готовъ за Русь безстрашно жизнь отдать:
За сына вѣрнаго горячія молитвы
Шлетъ день и ночь вселюбящая мать!..

Въ годину грозную военной непогоды
О счастьѣ пѣсенъ отъ меня не жди:
Теперь—война... кипятъ въ борьбѣ народы,—
И сколько предстоитъ страданій впереди!..

Себя не жаль мнѣ въ эти дни мученій,—
Мнѣ жаль тебя, съ отзывчивой душой...
И чудится порой, что ты въ пылу сраженій,
Что ты средь тѣхъ, кто смѣло вышелъ въ бой!..

СЕСТРѢ МИЛОСЕРДІЯ.

(По поводу безвременной кончины А. В. Р—къ).

Свершилось... Окончился жизненный путь...
Увянулъ цвѣтокъ при расцвѣтѣ...
Спѣшите же люди добромъ помянуть
Вы ту, что успѣла на вѣки уснуть
На утреннемъ яркомъ разсвѣтѣ.
Свершилось... Глядите! Спокойна она,
Закончивши подвигъ прекрасный:
Ее поразила, какъ многихъ, война
И къ чести всѣхъ женщинъ, она не одна
На подвигъ спѣшила опасный...
Пусть гибнутъ герои въ жестокомъ бою,
За родину жертвуя кровью,
Я славу отвагѣ и силѣ пою,
Но вмѣстѣ-же съ ними я честь воздаю
Умершимъ за братьевъ съ любовью.

П. Оленичъ-Гнененко.

Вѣстн. Помощ. призв. на войну 1915 г., № 10.

ПОДВИГЪ МИЛОСЕРДІЯ.

Надвигался вечеръ. Тихо меркли дали
И за небосклономъ догоралъ закатъ.
Кончилась атака, нѣмцы отступали,
Раздавались стоны раненыхъ солдатъ.
Но гремѣли пушки и рвались шрапнели,
Заглушая свистомъ неумолчный стонъ.
Отъ снарядныхъ взрывовъ въ деревняхъ горѣли
Избы и сараи съ четырехъ сторонъ.
И на поле битвы съ тылу изъ-за елокъ,
Гдѣ во время боя скрытъ былъ лазаретъ,
Потянулась лента сѣрая двуколокъ,
И отрядъ врачебный двигался имъ вслѣдъ.
Путь свой зыбко освѣщая фонарями,
Развернувъ носилки, двинулся отрядъ
Подбирать героевъ, что устлалъ рядами
Вражій штыкъ иль пуля, сабля иль снарядъ.
Тутъ же на носилкахъ дѣлалъ перевязки
И двуколки тихо отвозили въ тылъ...
Умолкали пушки, ночь сгущала краски,
Надъ равниной воздухъ постепенно стылъ,
И врачи и сестры собрались въ дорогу,
Уложивъ героевъ, двинулися въ путь.
И съ молитвой жаркой обращались къ Богу,
И благоговѣйно осѣняли грудь.
Вдругъ среди равнины, у далекихъ кочекъ,
Раздалися стоны и чуть слышный крикъ...
Вороны вспорхнули въ видѣ черныхъ точекъ,
Зашурша крылами, какъ рѣчной тростникъ.
Въ этомъ страшномъ царствѣ мертваго покоя,
Точно въ тяжкихъ мукахъ кто то умиралъ.
Былъ ли это голосъ русскаго героя,
Или тамъ голодный трупы грызъ шакалъ.

И отрядъ, привыкши къ смерти ежечасной,
Шелъ своей дорогой въ темнотѣ ночной,
Тихо пробираясь по тропѣ опасной,
Позади двуколокъ брелъ онъ стороной.
Но въ отрядѣ этомъ, устали не зная,
Ревностно служила юная сестра.
Съ ясною душою, какъ улыбка мая,
Всѣмъ была пріятна и для всѣхъ добра.
И, услыша этотъ тихій стонъ полночный,
Вспыхнула желаньемъ чѣмъ нибудь помочь.
Не казался страшнымъ часъ ей неурочный,
Не смущала душу призраками ночь.
Сотворивъ молитву, взявъ бинты и вату,
И простясь съ отрядомъ, двинулася вновь
Дать святую помощь страждущему брату
И унять изъ раны льющуюся кровь.
Освѣщая зыбкимъ фонаремъ равнину,
Вслушиваясь чутко въ непонятный звукъ
И привычнымъ глазомъ обводя картину,
Что тутъ разстилалась передъ ней вокругъ,
Шла она безъ страха къ голосу больному,
Осторожнымъ шагомъ трупы обходя...
Вдругъ, подобно змѣю сказочному, злому,
Въ воздухѣ граната взвилася гудя.
Увидали нѣмцы огонекъ въ туманѣ.
Думая, что русскихъ здѣсь стоятъ войска,
Стали изъ орудій сыпать по полянѣ
Пули и осколки, благо цѣль близка.
Но сестра геройски долгъ свой выполняла.
Услыхавъ вторично недалекій стонъ,
По неровнымъ кочкамъ быстро побѣжала,
Только-бъ въ дикомъ гулѣ не терялся онъ.
Но, какъ видно, злые духи помѣшали
Долгъ святой исполнить брату иль врагу,
Лопнула граната и осколкомъ стали
Въ голову ударилъ ей на всемъ бѣгу.
И сестра упала, обливаясь кровью,
Такъ удара сила велика была,
Устремляя къ Богу кроткій взоръ съ любовью
За великій подвигъ душу отдала.

А. Киртъевъ-Гатчинскій.

Унтеръ-Офицеръ 1915 г., № 131.

СЕСТРА.

Сѣрое платье, улыбка смиренная,
Крестъ на повязкѣ на лѣвой рукѣ,
Въ кротости сердца всегда неизмѣнная,
Близкая всѣмъ, кто страдаетъ въ тоскѣ.
Взоры привѣтливы; рѣчи неспѣшныя
Ласкою грѣютъ, какъ пламя костра...
—Ты это, ты, наша радость сердечная,
Часто послѣдняя радость,—сестра!

Матвѣй Дудоровъ.

Арм. Вѣстникъ 1915 г., № 240.

